

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Часы, намазанные на хлеб

Мария Владимировна Фомальгаут

Часы, намазанные на хлеб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21126864

ISBN 9785448315060

Аннотация

Эта очень полезная книга расскажет вам, как сделать, чтобы лето не кончалось. И как сделать, чтобы пришла весна. И как можно стать сказочно богатым практически без усилий. И как в новогоднюю ночь не превратиться в тыкву. И как купить кусочек путешествия, если у вас нет денег на целое. И как написать и прочитать идеальный рассказ и при этом остаться в живых.

Содержание

Золотая роза ветров	5
Побег из зловещей долины	13
Несозданный город	30
Восемь предысторий	35
Криль	44
Оборванная история	60
Треугольные тюрьмы	65
Точка на набережной	75
Клуб Отвергнутых Десятилетий	87
Числовая кривая	89
Разовые вселенные	96
Паутина	100
Неискажение фактов	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Часы, намазанные на хлеб

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1506-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотая роза ветров

– Друг мой, – дядюшка многозначительно посмотрел на меня, – скоро мы станем богаче самой королевы.

– Конечно, дорогой дядюшка.

Я вежливо кивнул. Когда у моего дядюшки начинались припадки, с ним было лучше не спорить – я готов был согласиться с любым его утверждением.

– Можешь не сомневаться, Чарли, скоро мы выкупим не только наше поместье, но и половину всех деревушек в этой местности.

– Несомненно, дорогой дядюшка.

– У нас будет столько золота, сколько не снилось нашим банкирам.

– Ну, разумеется.

– Ты что, издеваешься надо мной? – дядюшка нахмурился.

– Что вы, ни в коей мере.

– Тогда почему ты хотя бы не спросишь, каким образом твой дядюшка собирается сделать нас богаче Ротшильдов и Рокфеллеров вместе взятых?

– Именно об этом я и хотел спросить.

– Если бы хотел, то уже и спросил бы, – проворчал дядюшка. Я окончательно убедился в том, что дядюшка не в духе, и лучше не утомлять его разговорами. Странное дело, пять

минут назад я дорого бы дал за то, чтобы, наконец, вежливо проститься с дядюшкой и отправиться в клуб. Но теперь мне становилось не по себе при мысли о том, что дядюшка так и не расскажет мне свой план – каким бы безумным он не был. План... и дядюшка тоже.

– Ну ладно... слушай. Вернее, смотри, – с этими словами дядюшка открыл один из ящиков массивного дубового стола и достал старинную карту, – ты ничего не замечаешь, друг мой? – спросил он, когда развернутая карта легла передо мной на стол.

Я внимательно осмотрел очертания материков, но не обнаружил ничего подозрительного. Соединенное Королевство было на своем месте, и Лондон стоял на Темзе, как всегда.

– Честно... я ничего не замечаю, дорогой дядюшка.

– И неудивительно, друг мой. Я вообще удивляюсь, как ты по утрам находишь свою голову, а когда приезжаешь ко мне, находишь дверь. Ты никогда не замечаешь очевидных вещей, которые лежат прямо перед тобой...

Меня передернуло. Я уже привык к резким высказываниям дядюшки, но на этот раз мне показалось, что я вскипаю.

– Вот, – я ткнул пальцем в розу ветров, просто чтобы позлить дядюшку. Последний же оторопело вытаращился на меня, как будто я сказал что-то возмутительное. В памяти послышался голос матери – как ты ведешь себя, Чарли!» и бормотание бабушки, что вот в их-то времена молодежь

и позволить себе такого не смела...

– Молодец, Чарли, – дядюшка прямо-таки просиял, обнял меня за плечи, – молодец. Я знал, что ты что-нибудь да и соображаешь, правда, редко. Ну-ка, посмотри повнимательнее, чем украшена роза ветров?

– Золотой рамкой, – ответил я как можно спокойнее.

– Вот именно. Ты посмотри, дорогой мой Чарли, – в Атлантическом океане между Африкой и южной Америкой находится огромный золотой остров!

– Дорогой дядюшка, уж не хотите ли вы...

– ...да, Чарли. Именно так. Завтра мы отправляемся в дорогу.

Мне стало не по себе. Мой дядюшка был не только сказочно безумен, но и сказочно богат – а это значило только одно: ему ничего не стоило завтра же снарядить свой лучший парусник к далеким берегам. Нужно было что-то сделать – прямо сейчас, немедленно, отговорить дядюшку от рискованного шага.

– Но... дорогой дядюшка, позволю заметить, на этот раз вы увидели далеко не всё.

– Гхм... и что же, по-твоему, я упустил?

– А вот. Обратите внимание, дорогой дядюшка, что за зверь венчает розу ветров?

– Гхм... похоже на дракона.

– Вот именно! На дракона. И как, по-вашему, вы собираетесь вступить в схватку с огромным чудовищем?

– Как хорошо, что ты заметил это, Чарли. Думаю, если мы подберемся к чудовищу с юга...

– ...и вы думаете, дракон не почует нас и не развернется, пока мы будем дробить золотую раму и добывать золото?

Дядюшка задумался. Казалось, он почти готов отступить, отказаться от безумной затеи хотя бы на несколько недель, пока не придумает, как одолеть крылатого змея. Но, к моему немалому сожалению, безумный родственник тут же хлопнул себя по лбу:

– Чарли, что ты мелешь чушь! Этот дракон сделан из чистого золота, как он может причинить нам вред?

– Дядюшка... а вам не жалко уничтожать такое великолепное произведение искусства? Честное слово, эта роза ветров встанет на одну доску с такими чудесами света, как пирамиды Гизы и висячие сады Семирамиды...

– Не беспокойся, друг мой, уж не думаешь же ты, что дядюшка перетащит домой всё золото с острова, размеры которого превышают размеры нашего острова?

– Но ведь за нами потянутся и другие искатели приключений...

– ...они не доберутся. У них не хватит мужества и безрассудства добраться сюда.

– Даже если сюда попадут один-два человека... корабли, доверху груженные золотом, поплывут в Королевство... золото обесценится, мы станем свидетелями самого крупного банковского кризиса за всю историю.

– Не беспокойся, Чарли. Никто ничего не узнает.

– Но... вам придется объяснять, откуда вы взяли так много золота.

– Друг мой, я и не собираюсь его брать.

– Но...

– ...мне достаточно будет съездить туда и увидеть это...

Чарли, разве ты не хочешь увидеть эту красоту своими глазами?

Я хотел ответить, что лучше бы провел вечер в клубе или у Кингс-Роудов в компании хорошенькой Бесси – но дядюшка явно ждал от меня другого ответа.

– Разумеется. Но... ведь мы отправимся в путь не одни, с нами будут матросы, капитан...

– Друг мой, неужели ты сам не догадаешься, как я собираюсь решить эту проблему?

Меня передернуло. Я знал, что мой дядюшка безумен, но даже представить себе не мог, что он будет расчетливо и методично избавляться от членов экипажа.

– Нет... честное слово... нет.

– А если подумать?

– Всё равно... нет.

– На самом деле всё очень просто, проще, чем ты думаешь. Мы отправимся в путь вдвоем. Ты и я.

– Но... это же безумие.

– Друг мой, так говорили о каждой великой идее. Когда-то люди не верили, что могу пересечь океан...

Домой в тот вечер я вернулся в смешанных чувствах. В моей голове отчаянно спорили наперебой два голоса – голос покойной матери и голос покойного отца. Мать умоляла меня не совершать безумного поступка и остаться дома – отец же напоминал, что дядюшка отличается вспыльчивым нравом и может лишить меня наследства, если я откажусь плыть с ним. Стоит ли говорить, что я провел беспокойную ночь, и задремал, только когда в окно брызнули первые проблески рассвета?

Проснулся я после полудня, позавтракал в постели, – я не мог набраться мужества встать и начать этот день, который обещал быть судьбоносным. Я отчаянно надеялся, что дядюшка забудет про свою безумную затею, и в следующий четверг я как ни в чем не бывало приду к нему на чашку чая.

Однако, моим надеждам не суждено было сбыться. Часы на башне пробили час, когда дверной колокольчик возвестил, что слуга дядюшки стоит на крыльце. Я уже хотел крикнуть горничной, чтобы не открывала, но было поздно – дверь отворилась, старый Лайонель замер на пороге.

– Добрый день, сэр.

– Добрый.

– Вынужден сообщить вам печальную новость, сэр.

– Вы...

Ледяная рука сжала мне сердце.

– Ваш дядюшка скончался сегодня ночью.

Я услышал, как позади меня вскрикнула горничная.

Не стану утомлять читателя описанием пышных похорон и юридическими заморочками, с которыми мне пришлось столкнуться, вступая в наследство. Опущу я и недолгий переезд из моей скромной квартиры в поместье дядюшки. Честно говоря, я плохо помню эти дни, все было как в тумане, – по-настоящему я пришел в себя уже через месяц после похорон, когда начал разбирать бумаги в дядюшкином кабинете, понемногу свыкаясь с мыслью, что это огромное поместье теперь принадлежит мне.

Тогда-то я и наткнулся на карту, про которую уже успел почти забыть. Я хотел было поместить её в рамку и повесить на стену, как память о дяде – но что-то заставило меня задуматься.

Это бред, сказал я себе, бред безумца, ничего более. Но чем больше я говорил так себе, тем больше сомнения закрадывались в мою душу.

Мне показалось, что я сам сошел с ума – когда на пороге появился загорелый человек, который представился капитаном парусника, принадлежавшего моему дядюшке. Капитан спросил меня, какие будут распоряжения насчет корабля – и я удивился сам себе, когда сказал:

– Снарядите корабль. Возьмите только самых проверенных людей. Через неделю мы отплываем на юг Атлантики. Мой дядюшка верил, что там находится огромная роза вет-

ров.

С этими словами я показал на карту. Я ожидал, что капитан поинтересуется, не сошел ли я с ума, но старый морской волк уже привык к чудачествам дядюшки, поэтому он отдал честь и отрапортовал:

– Есть, сэр!

Побег из зловещей долины

Смотрю ему в спину. Думаю, как он убивал людей, голыми руками душил или ножом колол, или еще как. Нет, вроде щуплый парнишка, не мог он людей душить, ножом колол, не иначе, а может, что понадежнее взял, пушку там какую в магазине «Всё для охоты», или ещё там что. Тогда еще продавали пушки и много там чего, тогда еще не понимали, чем это кончится...

Идем по туннелю. Я, он, и его девчонка. До сих пор не спросил, как её зовут. И как его зовут, тоже до сих пор не спросил.

Хозяин нас не видит. А хозяйина зовут Коган. А меня зовут... гхм... неважно, как меня зовут, я своё имя лучше сохранию в тайне, я еще жить хочу, я еще надеюсь отсюда живым выбраться, затеряться в мире. А что, среди семи миллиардов как-нибудь затеряюсь, не найдут...

Идем. Смотрю ему в спину, думаю, что он делал до того, как вышел на улицу убивать людей, пытался он остановить страшный финал или плыл по течению.

Нет, наверное, всё-таки пытался... ходил к какому-нибудь психологу, или к кому там обычно ходят с такими проблемами. И психолог, или кто там ещё скажет:

– Слушаю вас.

А он ответил:

– Понимаете... мне последнее время кажется, что меня окружают не люди.

– Вот как? Не люди... а кто же?

– Ну... понимаете, вот смотрю я на человека, вроде и выглядит как человек, и ведет себя, как человек, – а присмотришься... ну не человек. Не знаю, кто.

– Так-так... а скажите, они вам чем-то... угрожают?

– Да нет... не угрожают... просто... страшно.

– Страшно?

– Ну да, они выглядят так страшно... Вроде бы человек, а присмотришься, он же не человек на самом деле.

А потом этот психолог или кто он там, скажет... сказал что-нибудь, что обычно говорят психологи. Например:

– Скажите, вам иногда кажется, что кто-то вкладывает вам в голову чужие мысли?

И так далее.

А где-нибудь через час или через два в кабинет психолога зашел кто-нибудь еще. И закричал. Потому что увидел его мертвым.

Потом кто-нибудь вызвал полицию, полиция приехала, стали собирать отпечатки пальцев, или что там еще собирают в таких случаях. Конечно, найдёт, кто это сделал, парень и не подумает замести следы.

А потом...

Смотрю в спину впереди идущему, думаю, успели его найти или нет. Наверное, успели, нашли, окружили со словами –

вы арестованы, только арестовать не успели, полицейские набросились друг на друга, друг друга перестреляли.

Мне так кажется.

Хотя кто их знает, что было на самом деле.

Идем по туннелю. Хозяин нас не видит, по крайней мере, я надеюсь, что он нас не видит, если он нас увидит, мы здесь живые уже стоять не будем.

Смотрю в спину впереди идущему, как же его зовут, не знаю. Кажется, девушка звала его по имени, когда Коган приказал мне взять их живыми. Там, в городе.

Вспоминаю город, лучше бы не вспоминал, этот город без содрогания вспоминать нельзя. Горы трупов на улицах, трупов, среди которых тщетно пытаешься найти хоть что-то живое. Кажется, там, в городе, не только стреляли, но и взрывали, кто-то пытался уничтожить всех, всех...

А потом Коган сказал мне:

– Ищите. Там, в подвале.

Помню, меня передернуло, помню, не поверил, что в этом вымершем городе может быть кто-то живой.

– Ищите, – повторил Коган, – там, в подвале.

Кажется, тогда девушка звала своего спутника по имени – когда я нашел их. Когда стрелял по ним, еще сначала выстрелил, потом спохватился, а из чего, собственно, я стрелял, хорош я буду, если выпалил из парабеллума, русским по белому Коган мне говорил, брать живыми, живыми брать, они мне живые нужны. Посмотрел, из чего выстрелил, тут же

забыл, кинулся к упавшим, отчаянно искал на телах следы пуль, нет, нет следов пуль, только две иглы воткнуты в тела...

Идем по туннелю.

Коган нас не видит.

По крайней мере, я надеюсь на это.

Интересно, что сделает Коган, когда увидит, что мы сбежали. Я сказал мы? Да, быстро я их к себе причислил, быстро... Они сбежали, я только помог, а получается – мы...

Интересно, что тогда сделает Коган. Я бы на его месте включил лучи. В нашу сторону. Чтобы я, идущий за ними сзади, съехал с катушек и набросился на впереди идущих, чтобы их убить. Интересно, успею я это сделать или нет. Наверное, брошусь на девушку, чтобы её придушить, наверное, парень не даст мне это сделать, свернет мне шею, или полоснет по горлу ножом. Девчонка запричитает, за что ты его так, парень кинется её успокаивать, а что ты хотела, или он нас, или мы его...

Я бы на месте Когана это сделал. Да Коган и без моей подсказки догадается, пустит лучи.

Весь вопрос, успеем мы дойти до конца туннеля или нет. И что там будет, в этом конце.

Вспоминаю.

Что еще здесь делать, только вспоминать, осталось заглядывать в прошлое, будущее какое-то неопределенное, даже

слишком. Вспоминаю, как там, в кабинете Когана, я разливал кофе, добавлял коньяк, на глаз, на глаз, понять бы еще, сколько это – на глаз. Вспоминаю, как говорил Коган, медленно, с расстановкой, будто каждое слово выжимают из него клещами:

– Ну что мы имеем. Уникальный случай. Провалилась наша работа. Провалилась.

Откашливаюсь:

– Всего два человека живы остались.

– Не всего два. Целых два. А сколько таких по всему свету будет?

Коньяк переливается через край чашки на белоснежную скатерть. Вздрагиваю. Хоть я ему в официанты не нанимался, всё равно вздрагиваю.

– Ничего, ничего, – отмахивается Коган, – на счастье. А с этими разберитесь. С двумя.

– Обязательно.

– Вы раньше знали эту девушку?

– Да... нет. Не знаю.

– Как не знаете?

– Не знаю, и всё.

Стараюсь подсказать:

– То есть, может, где-то встречали, но где – не помните?

– Да нет. Не встречал. Но такое чувство, что знал уже.

Давно.

– А почему вы её не убили?

Парень вскидывается:

– А на хрена я вообще кого-то убивать должен был?

– Ну как же... много кого уложили.

– Так они сами на меня набрасывались.

– Кто набрасывался?

– Все... которые люди и не люди в то же время. Ну... они выглядели, как люди, и вели себя как люди, только я на них смотрела, я видела, что они не люди. Не настоящие.

– И тогда вы...

– Ну, у отца винтовка была, я винтовку взяла... когда эти люди-нелюди к дому подбираться стали.

– Да вы крутая.

– Да что вы, я...

– ...а парня этого почему не убили?

– Так он же человек. Настоящий.

– Значит, он вам показался настоящим человеком?

– Показался? – девушка ахает, прикрывает рот руками, – а... разве он не человек?

– Человек, человек, не беспокойтесь даже.

Идем по туннелю.

Сворачиваем.

Ещё сворачиваем.

Ещё.

Девчонка оступается, вскрикивает, парень подхватывает её, ставит на ноги. Куда ты, голуба, на каблуках поперлась... или нет, вру, не на каблуках, кеды обула, молодец, догадалась...

Парень поворачивается ко мне:

– Далеко ещё?

– Далековато.

– Чёрт...

– А я что могу сделать, другого пути и нет...

Смотрю на них. Нет, вроде, нормальные, вроде они мне чудищами не кажутся. Может, повезет, может, успеем дойти.

Вспоминаю.

Всё, что здесь остается – вспоминать.

Стучу в дверь. Дверь проваливается куда-то в стену, меня передергивает – всё, сломал, сломал, сломал, а нет, не сломал, дверь уходит в стену, ускользает куда-то в никуда, пропускает меня.

– Входите, входите...

Вхожу, вхожу. Он стоит спиной ко мне, нехотя поворачивается, вяло пожимает руку, рука у него холодная, вялая, сам он весь какой-то вялый, холодный, рептилия какая-то а не человек.

– Коган моя фамилия.

– Очень приятно, я...

Здесь я назвал свою фамилию. А вам её говорить не буду. Ещё надеюсь выбраться живым. И затеряться среди семи миллиардов.

– Вы, значит... нейрофизиологией занимаетесь.

Бормочу названия университетов, сую ему дипломы и копии каких-то проектов, – он отстраняет меня безвольной рукой.

– Хорошо, хорошо... вижу, бессонницу лечили... очень хорошо... мне как раз надо...

Настораживаюсь. Сомневаюсь, что он меня вызвал ради того, чтобы я ему бессонницу лечил.

– А вы роботами никогда не увлекались?

Меня передергивает. Чёрт побери, нужен тебе спец по роботам, вот и вызвал бы спеца по роботам, не-е-ет, мы же умные, мы нейрофизиолога вызовем и про роботов спрашивать начнем.

– М-м-м-м... в классе пятом собирал что-то... из старых телефонов...

Коган усмехается. Нехорошо как-то усмехается.

– А про синдром зловещей долины знаете?

Отчаянно пытаюсь вспомнить то, чего не знаю.

– А-а-а, это в Калифорнии где-то в пустыне Гоби долина Смерти какая-то есть.... Испарения там какие-то ядовитые, люди туда попадают и гибнут...

– И давно у нас пустыня Гоби в Калифорнию переехала?

– Ну...

– Вот нравится мне современная молодёжь, Нет, чтобы честно сказать, не слышал о таком, нее-е-т, выдумывать будем.

Сдаюсь:

– Честно говорю. Не слышал.

– Ну, ничего, ничего... не стыдно не знать, стыдно не учиться. Ну, давайте вам парочку роботов покажу.

Соглашаюсь. Так надо, соглашаться, разделять интересы хозяина, если начальник без охоты жизни не видит, надо с ним в лес ездить и уток подстреленных из болота в зубах притаскивать, если хозяин на роботах повернут, значит, надо все эти зловещие долины выучить, роторы-статоры-транзисторы, или нет, вру, транзисторы сейчас только в музее увидишь между сеймурией и трицератопсом.

– Ну вот, смотрите... похож он на человека?

Смотрю на что-то смешное, неуклюжее, прямоугольное, комично идущее по столу. Что-то дошагивает квадратными ножками до края стола, собирается упасть, машинально протягиваю руку, подхватываю.

– А зря подхватили. Он бы ещё за край руками уцепился, еще поднялся бы. Ну как вам... нравится?

– Здорово.

– Да вы мне скажите, нравится или нет?

– Нравится. Смешной.

– Отлично. А теперь с девочкой вас с одной познакомлю... Да не прихорашивайтесь вы, очки не поправляйте, не насто-

ящая она, старания ваши не оценит... – Коган хлопает в ладоши, – Элла!

Что-то поднимается из темноты соседней комнаты, что-то выходит к нам в коротенькой юбчонке, протягивает мне руку. Смотрю на Эллу, не верю, что не настоящая, кудряшки выбились из короткого пучка волос, ямочки на щеках, бретелька сбилась на плечо...

Чувствую, что краснею. Думаю, для каких целей хозяин приобрел эту Эллу, тут же отгоняю от себя нескромные мысли, не отгоняются, лезут, лезут в голову...

– Ну как вам Элла? Нравится?

– Ну да, красивая.

– Нет, вы скажите, нравится или нет?

Вздрагиваю. Начинаю побаиваться, как бы радушный хозяин не предложил мне сделать с этой Эллою что-нибудь, что обычно с такими эллами делают.

– Н-нет.

– Чего? Не нравится?

– Не...

– А что так?

– Не... настоящая она какая-то... не поймешь, то ли человек, то ли кто... и движения такие... и глазами вращает...

– Ладно, Элла, иди, не пугай гостя... видишь, не понравилась ты ему...

Спохватываюсь:

– Из-звините, что я так...

– Да ничего, ничего... а вот скажите, когда вы ко мне пришли, там в приемной секретарша сидела...

– Ага.

– Она вам как? Понравилась?

– Ага... живая такая, веселая...

– Ну-ну, грудь пятого размера, да? Ладно, смех смехом... а это вот синдром зловещей долины и есть. Элла-то по образу и подобию секретарши моей сделана. А вам не нравится.

– Не... недоработана она как-то. Мимика, жесты...

– Вот-вот. Что-то похожее на человека, но не человек. Мозг наш теряется, не знает, что делать... с ума сходит...

– Ага.

– Так вот... в мозгу нашем граница есть, где человек, где не человек, а где что-то среднее. А вы, значит, нейрофизиолог...

– Да.

– А можете сделать так, чтобы у человека восприятие это сдвинулось? Чтобы он обычного человека воспринимал как нечто среднее?

– М-м-м... ну... это время надо...

– ...его у вас с избытке будет.

– И деньги... оборудование...

– ...тоже.

– Тогда можно.

Туннель сворачивает, начинает потихоньку подниматься

вверх, – это значит, что осталось немного.

Говорю:

– Осталось немного.

Из горла вырывается хрип, сам пугаюсь своего голоса.

Парень оборачивается:

– Что?

– Немного осталось... километра два...

Парень скрипит зубами. Парень... не нравится мне этот парень, очень не нравится, какой-то он... на человека толком не похож.

На человека...

...не похож.

Спину прошибает холодный пот.

Вот оно.

Началось.

Понимаю, что хозяин включил луч.

А хозяина зовут Коган.

– Ну что, друг мой, спешу вас обрадовать... луч ваш работает.

Неумело рапортую:

– Рад стараться.

– Отлично... читали, да? – Коган протягивает мне сложенную газету, – вот... бойня в Забугорске, в маленьком уральском городке жители перебили друг друга...

Пол хочет уйти у меня из-под ног, еле успеваю поймать.

– Ничего себе... так вы... зачем мне луч заказали... что-бы...

– ...а вы как думали. Оборонка проплатила. Вот что, вы человек смелый... со мной поедете, посмотрим, что там, и как.

Тогда я даже не смог возразить ему, послать его куда по-дальше.

Тогда...

Кап...

Кап...

Кап...

Кап...

Туннель поднимается, резко сворачивает вправо, значит, скоро и выход. Мы его не видим, потому что сейчас ночь, ладно, ночью в лесу как-нибудь не пропадем, а там...

Да.

На земле семь миллиардов человек, как-нибудь затеряем-ся.

Смотрю на двух тварей передо мной, вздрагиваю от каж-дого их шага, от каждого жеста, когда это они успели превра-титься из людей в черт знает что, они сами-то не замечают, как они выглядят... нет, ничего не замечают, идут, взявшись за руки, он ей отдал свою куртку, чтобы не замерзла.

Отчаянно пытаюсь объяснить себе, что это люди, люди, чёрт побери, люди, а не что-нибудь, что мне мерещится.

Не объясняется.

Вспоминаю, как я их видел, когда они были людьми, то есть, что я говорю, когда я видел их людьми.

Киваю девушке:

– Раздевайтесь.

Девчонка оторопело смотрит на меня:

– К-как... при вас?

Спохватываюсь:

– Ну, я отворачиваюсь, всё, всё... и туда ложитесь... в томограф...

Осторожно вытаскиваю ножичек, осторожно думаю, если эта тварь обернется, полосну ножом по горлу...

Отчаянно вспоминаю.

Коган спрашивает:

– Ну что... обнаружили что-нибудь?

– Пока нет... смотрю на парочку эту, показатели все в норме...

– Гхм... ну ладно, завтра вскрыете их.

Меня передергивает:

– Они что... умерли?

– Нет ещё. Вы их сами убить можете?

Хочу сказать нет, тут же понимаю, чем это кончится, отвечаю:

– Сделаю.

Кап...

Кап...

Кап...

Кап...

Просвет в глубине туннеля.

Чувствую, как безумие постепенно начинает отпускать, нелюди впереди меня становятся чуть больше похожи на людей. Вот это самое страшное, когда становятся почти-почти похожи, мозг окончательно сходит с ума, не понимает, кто перед ним, человек, или кто.

Вспоминаю.

Вхожу в комнату, два тела расплетаются, с ненавистью смотрят на меня, парень уже готовится послать меня далеко и надолго, астучатьтебянеучили...

Не даю ему опомниться:

– Собирайтесь. Пойдёмте. Быстро.

– К-куда?

– Бежать отсюда надо... скорее одевайтесь, и пошли уже...

Парень смотрит на меня осуждающе:

– Ты бы вышел, дай девчонке одеться-то...

Выхожу. Даю девчонке одеться. Отчаянно соображаю, как я их отсюда поведу, через заброшенный туннель метро, или я еще не насколько сошёл с ума...

Выходим из туннеля в морозящий дождь.

Сжимаю лезвие, чувствую, если эта тварь обернется, не удержусь...

Тварь оборачивается.

– Ну, спасибо, выручил нас... тебе-то за это ничего, бошку не оторвут?

Лезвие.

У меня в руке.

А потом я наброшусь с ножом на девчонку, она первая обернулась, а парень это увидит, и кинется защищать, я уже знаю, он под нож кинется её защищать, и мы с ним сцепимся, потом будем лежать в лужах собственной крови, я ещё успею увидеть, как девчонка обнимает парня, впивается губами ему в губы, парень торопит девчонку, беги давай, беги, пока не заловили тебя. Потом у меня всё померкнет перед глазами, или наоборот, будет яркая вспышка, не знаю, ни разу ещё не умирал.

Так будет.

Я уже знаю, что так будет.

Впрочем, не обязательно. Впрочем, есть у нас ещё один шанс, совсем крохотный шансишко, но есть...

...если Коган отключит луч.

Скажете, черта с два он отключит луч? Вот я тоже так ду-

маю, что черта с два. Но может быть, и отключит, если успеет прочитать мой последний...

ОТЧЕТ

Довожу до Вашего сведения, что можно совершенно не беспокоиться о том, что во время боевых действий повторится история с Зауральском, и кто-то останется в живых. Я совершенно точно установил, что выживание двух экземпляров, А (ж. пол) и Б (м. пол) – это редчайшее исключение. Я бы сказал, что такие вещи случаются раз в тысячу лет...

Несозданный город

Ближе к вечеру город снова расправляет свои щупальца. Город. У города нет названия, нет имени, никто не дал ему такого при создании, потому никто его не создавал.

Город просыпается ближе к заходу солнца, выпускает длинные улицы, насколько хватает глаз. Ждет одиноких путников, заплутавших, сбившихся с пути, не доехавших до дома. Три девчонки останавливаются перед городом, а давайте в город махнём, да ну, страшно, да чего страшно, брешут всё, ничего там страшного нет. Мужчина едет по дороге, бак почти пустой, – сворачивает в сторону города, надеется добраться до ближайшей бензоколонки, и сразу же вернуться.

Одинокий путник спускается с холма. Сегодня он далеко-далеко ушёл от дома в маленьком городке, он не видит свет окон своего дома, – два окна внизу, где холл, два сверху, где спальня отца и его комната, одно в мансарде, где живет сестренка.

Он не видит окон своего дома.

Даже если он заберется на самый высокий холм или самое высокое дерево – он не увидит огней дома.

Путник обходит город стороной. Уже темнеет, и в тесу оставаться небезопасно, но путник предпочитает заночевать в чаще леса, нежели идти в город. Он обходит город стороной, уже готовится уйти совсем – когда...

...нет, показалось.

Нет, не показалось, не померещилось – он слышит там, за углом, голос покойной матери.

Он спешит. Бежит в переулок, в другой, в третий, ищет мать – не находит. Он уже готов повернуть назад, когда видит, как в толпе безликих прохожих мелькает белая собачка, точно такая же была у него в детстве. Он спешит за собачкой, Чапа-Чапа-Чапа, на-на-на, но через минуту уже не может сказать, была это собачонка или отблески реклам.

Девушка спешит по лабиринтам города, ищет выход. Она уже знает – этот город бесконечный, и выхода нет, но всё-таки отчаянно жаждет выбраться.

Он поворачивает назад – и понимает, что не помнит, где это – назад, он сворачивает в переулок, понимает, что это не тот переулок, и улица не та, и город... а вот город тот самый, бесконечный, запутанный сам в себе...

Тянется серой полосой поток машин.

Город наводит новые мосты и разводит старые мосты, – люди ничего не замечают, сворачивают в новые лабиринты. Девушка спешит, перебегает дорогу, она опаздывает, ей надо успеть, она не помнит, куда – но надо успеть. В изнеможении прислоняется к стене дома, прикрывает глаза. Приходят воспоминания – случайные, отрывистые, почти забытые, маленький городок, крохотный дом в два этажа, стайка сестер, горячий шоколад по утрам в воскресенье, ванильные пончики...

...гудок автомобиля подбрасывает девушку, она спешит, торопится, боится опоздать...

Город окончательно просыпается, разбуженный гудками. Путаёт улицы и переходы, путается сам в себе, сводит и разводит людей.

Путник спешит, – он еще не верит себе, что заблудился, бесповоротно, безнадежно. Он уговаривает себя не паниковать, ищет выход – методично, аккуратно, хотя уже понимает, что в этом лабиринте не работают никакие правила. Чтобы придать себе сил, он вспоминает дом, какие-то моменты, самые живые, самые приятные, из юности. Воскресное утро, какой-то праздник, он с родителями и сестренкой едет в соседний городок, за тридевять земель, на свадьбу к каким-то родственникам, седьмая вода на киселе. Молодых осыпают цветами, жарится мясо, дымятся угощения, юная девушка сидит в конце стола, пьет горячий шоколад, отводит взгляд, если на неё посмотреть, а если не смотреть, сама глядит украдкой...

Он вспоминает. Сжимает кулаки, вспоминает с тихим отчаянием. Как потом спрашивал у отца недели через две, а кто была та девушка, отец пожимает плечами, ты про кого говоришь, я там и не знаю половину...

Полночь рассыпается боем часов.

Город волнуется, город торопится – до рассвета осталось не так уж и много, летние ночи короткие, а надо так много успеть. Путаёт мосты, улицы, перекрестки, гонит, гонит лю-

дей по кругу, подгоняет непонятной тревогой...

Какая-то женщина видит выход из города – в каких-то двух шагах, спешит туда, краем глаза видит в витрине сумочку, давно мечтала себе сумку приличную взять, спешит туда, – захлопывается дверь магазина маленьким капканом.

Девушка спотыкается, ломает каблук – некогда остановиться, надо спешить, непонятно куда, но надо спешить. Стараются вспомнить хоть что-нибудь, чтобы не было так страшно – прошлое ушло, остались отдельные воспоминания, самые сильные, – воскресный день, чья-то свадьба, безусый юноша в конце праздничного стола...

Небо чуть светлеет.

Город спешит.

Девушка чуть не попадает под машину, испуганно сворачивает на соседнюю улицу, бульвар имени годовщины чего-то там...

Он с трудом сохраняет самообладание, с трудом заставляет себя идти по городу, именно идти, а не бежать сломя голову. Впереди маячит бульвар, он мельком читает название, – бульвар годовщины чего-то там...

Что-то мелькает между домами, путник оборачивается, не верит себе – бескрайнее поле, там, за домами, выход, выход, выход-выход-выход...

Человек бежит – из последних сил, которые еще остались после безумной ночи.

Город злится, город сдвигает дома, город путает улицы...

Человек бежит...

Город сдвигает стены...

...человек проскакивает в узкий проход между стенами,
падает в траву.

Светает.

Еще не рассвет, еще так, светает слабёхонько-слабёхонь-
ко.

Девушка замирает на площади под фонарями. Зачем-то
она спешила сюда, вспомнить бы ещё, зачем...

Город молчит, не подсказывает.

Город не умеет говорить.

Путник спешит к родному городку, уже видит свой дом
на окраине, свет в окне мансарды, сестренка не спит, волну-
ется. Он поднимается на крыльцо, оглядывается назад, ста-
рается унять непонятную тревогу, так и кажется, что что-то
потерял, да не что-то, а вот, нож, подарок отца, ох, огорчится
отец... хотя нет, тут не в ноже дело, а...

...чёрт его пойми, в чем.

Он открывает дверь резным ключом, исчезает в доме.

Девушка спешит по улице, обгоняет саму себя, ищет что-
то, сама не знает, что...

Город скрежешет невидимыми зубами, упустил, упустил,
чёрр-р-т, упустил.

Ничего...

Может, следующей ночью повезёт.

Город сворачивает щупальца, засыпает...

Восемь предысторий

Первый рассказчик.

Кто-то трогает меня за плечо. Ускоряю шаг.

Он хочет что-то сказать. Он. Не вижу его лица в полумраке под гаснущим фонарем. Сжимаю зубы, ну щас начнется, молодой человек, а на проезд не дадите...

Пожалуйста... прочитайте мою книгу.

– Что?

– Прочитайте мою книгу. Пожалуйста.

Настораживаюсь. Какой-то новый способ отнимать деньги, новый и изощрённый.

Спрашиваю:

– Почему?

– Что вы, что вы, – он машет руками, – я ничего с вас не возьму... просто... прочитайте... пожалуйста...

Беру из его рук тонкую книжицу, зачем-то говорю:

– Спасибо.

– Нет-нет, вы при мне прочитайте... это очень важно... чтобы прочитали...

Вспоминаю какие-то заговоренные книги и проклятия.

Спрашиваю:

– А... в чем дело-то? Нетленку написали?

– Да нет... просто... понимаете... говорят, каждая книга

должна найти своего читателя... так может, вы он и есть?

Фыркаю:

– И многих вы так опросили?

– Человек двести.

Присвистываю:

– Двес-ти?

Накрапывает дождь, смотрю на книгу у себя в руках.

– Хорошо... пойдете куда-нибудь под крышу...

Раскрываю книгу...

...нет-нет, это еще не история.

Это только предыстория.

История будет потом.

Второй рассказчик.

Десять лет спустя.

Раскрываю книгу.

Традиция такая.

Спрашиваю у человека, сидящего напротив меня:

– О чем ваша книга?

Тоже такая традиция.

Сидеть напротив друг друга.

И спрашивать.

Сегодня все меняются книгами. И стар, и млад. Говорят, движение даже перекрыли, или наоборот, дополнительные

маршруты пустили. И выходной для всех сделали, или, наоборот, на работе всех задержали. Даже в школах занятия отменили, или, наоборот, согнали всех в школу, даром, что каникулы... короче, тот ещё переполох в городе.

А как же.

Традиция же.

Спрашиваю у человека, сидящего напротив меня:

– О чем ваша книга?

Он начинает рассказывать:

Понимаете... есть некая цивилизация...

...стоп-стоп, это уже не второй, а третий рассказчик получается.

Итак:

Третий рассказчик.

(И да, это ещё не история, это только предыстория)

Есть некая цивилизация... некий мир, в котором никто не убивает друг друга, нет понятия убийства в принципе. И не только среди разумных созданий. В этом мире вообще никто никого не убивает. Никто и никого.

Скажете, так не бывает?

Ну да.

Не бывает.

Это же книга.

Понимаете, в глубокой древности в первозданном море

появились два вида... животных? Нет, животных тогда ещё не было. Два вида... биологических... один из них питался солнцем, глиной какой-нибудь, землей там... а второй был хищник.

Но стойте-стойте, у нас же с вами мир безо всяких хищников, так ведь? Так. И чтобы он и правда получился, надо этого хищника убийцу что?

Правильно, убить.

И вот в этом мире наступает знаменательный день... в этот день самый ответственный человек (ну, не человек, не знаю, кто) должен отправиться в прошлое и убить хищника. Нашли самого ответственного, долго выбирали, он до последнего не знал, что его ждёт, думал, миры какие-то новые исследовать будет или ещё что...

А тут нате вам.

Приказывают – убить.

Он отправляется в прошлое, как велели. Это они умеют. Это им раз плюнуть.

Он останавливается на берегу первозданного моря, видит хищника, и...

Четвертый рассказчик.

И это еще тоже не история. А только предыстория.

Входит новенький. В который раз смотрю на него, в который раз думаю, что толку от него не будет никакого от слова

совсем.

Откашливаюсь:

– Ну что... молодой человек... тут такое дело получилось в день традиции... один человек свою книгу двум людям прочитал. Не одному, а двум.

– И вы меня из-за этой фигни вызвали?

Чувствую, что ответит именно так. И вылетит с работы. Как пить дать.

Наклоняет голову:

– Что за человек?

– Вот тут самое интересное начинается. Найти его не могут... человека этого. Как будто его вообще никогда не было, понимаете?

– Интересно. А... что за книга?

– В этой книге есть некая цивилизация...

– ...и вот он двум разным людям разные концовки дал. Одному человеку сказал, что тот посланник так и не смог убить хищника. И в результате цивилизация погибла. А другому сказал, что посланник через себя переступил, через принципы через свои. И хищника убил. Только он... как это сказать... переступил черту, которую до него никто не переступал. Потом вернулся домой, через год начальника своего угробил, на его место встал. Потом жену свою грохнул, чтобы дом себе прибрать. Только жена дом завещала сыну. Пришлось и сына укокошить...

– Ну-ну...

– А потом его самого убили, на улице его кто-то ножом по горлу полоснул... Прибор у него там был сильно крутой, кому-то прибор сильно понравился.

– Понятно.

– Так вот, задача вам. Людей этих найти... двух. И разобраться, зачем он им так... сказал.

Пятый рассказчик.

А вот это уже...

...нет, и это еще не история. Только предыстория.

Вхожу. Шеф смотрит на меня как всегда насмешливо, считает, если я всего двадцать лет на свете живу, значит, не знаю ничего, и не умею ничего. Ну-ну...

– Разобрался я с делом этим.

– Да ну?

– Ну да. Тут вот оно что... Он людям этим две идеи в голову вложил... одна из этих идей общество наше разрушит... А другая наоборот... спасёт он гибели. Неминуемой.

– И... кто есть кто?

– А вы сами как думаете?

– М-м-м... не знаю, даже.

– И я не знаю.

– А они?

– Они... – мой голос вздрагивает, – не выходят на связь.

Шеф хмурится.

– Упустили, значит.

– Да кто ж знал, что они так...

– Да можно ж было догадаться-то... Ищи их теперь, сви-

щи...

Понимаю, что он по-прежнему считает меня безнадежным идиотом.

Шестой рассказчик.

Потерпите... еще немного... история скоро будет...

А это ещё немного предыстории.

Длинные гудки.

Не ответит. Уже знаю, не ответит.

– Алло.

– Вечер добрый.

– С кем имею честь говорить?

– Я по поводу двух информаций... двух концовок книги...

Человек в телефоне кашляет.

– И... что вы знаете?

– Я один из тех людей...

– И вы...?

– ...тот, который спасет мир.

– А второй...

– ...я найду его. И обезврежу.

– Да не беспокойтесь, мы с ним разберемся, полиция как-

никак...

– Не разберетесь. Он вас уничтожит. Так что на меня вся надежда. Вы разве что помочь можете... Я же гол как сокол, ни оружия, ни машины своей нет...

– Хорошо... обеспечим... а вам что рассказали?

– Как герой убил хищника.

Седьмой рассказчик.

Это уже...

...а нет, предыстория. Ещё немножко осталось предыстории. Чуть-чуть...

Длинные гудки.

Не ответит. Уже знаю, не ответит.

– Алло...

– ... гол как сокол, ни оружия, ни машины своей нет...

– Хорошо... обеспечим... а вам что рассказали?

– Как герой не смог убить хищника.

– Х-хорошо... мы вам поможем...

Восьмой рассказчик.

Это тоже кусочек предыстории.

Последний.

...следователь смотрит в окно, как отъезжает машина

с вторым человеком, который спасёт мир. Первый уже уехал пол часа назад.

Следователь представляет себе, как они будут охотиться друг за другом где-то в городе.

Начинается история.

Криль

Мальчик снова затягивает – протяжно, жалобно, это хорошо у мальчика получается:

– Ну, ма-а-а-а!

Ма хватается за голову, срывается на крик:

– Да уймись ты, горе ты моё, не возьмём мы его никуда!

Ещё не хватало, в квартиру его тащить, грязь эту!

– Да он чи-и-и-сты-ый!

– С чего он чистый будет, зараза одна!

– Да он не зара-а-азный! Да мы его с шампунем вымоем...

– Ага, вымоешь ты его, чтобы он подох с твоего шампуня... Уйди от меня, слышать даже не хочу!

Мальчик хочет уйти. Насовсем. Уйти куда-нибудь далеко-далеко, и Криля с собой взять...

А уже август.

И осень уже скоро. И не верится, как осень, почему осень, только же что первое июня было, а-а-аа-а-, кани – ии-и-кулы, и мама подгоняет, скорей, скорей, собирайся, и мама с папой ругаются, а билеты где, а в паспорта вложены были, а паспорта где, а в сумочке, а сумочка где... и самолёт взлетает, уши закладывает, а потом мальчик по трапу выбегает, а море где, и кто-то осаживает мальчика, погоди, погоди, сейчас такси возьмем, и едут в такси, и мальчик в окно видит – мо-

о-о-о-ре-е-е-е-е!

Кажется, только вчера было.

А уже бац – и август, двадцать пятое, и уже листья жёлтые...

Маленький мальчик бежит к морю.

Море же.

Море ещё тёплое, купаться ещё можно. Мальчик бежит в шумящие волны, отталкивается от дна...

Море шумит.

Обнимает.

Обволакивает.

Что-то происходит. Кто-то хватает маленького мальчика за ногу, извилистое что-то, шупистое, тащит за собой...

– Криль! Криль!

А вот и Криль, жабья голова, перепончатые уши, глаза навывкате...

Криль зовет мальчика по имени. А зовут мальчика...

...да какая разница, как его зовут.

А мальчик Криля читать выучил. Пока ещё, правда, по слогам, но выучил.

– Жи-ли-бы-ли-ста-рик-со-ста-ру-хой... У-са-мо-го-си-не-го-мо-ря...

Мальчик говорит:

– А я в школу пойду. Учиться буду.

Криль кивает:

– Вот здорово!

– А хочешь в школу?

Криль хочет в школу. Очень-очень.

– А я у мамы попрошу... чтобы тебя в Москву взяли.

Криль хочет в Москву тоже. Тоже очень-очень.

– Ну, ма-а-а-а-а!

– Слышать об этом даже не хочу!

А у меня Криль есть.

Мальчик говорит девочке про Криля. Никому не говорит,
а девочке сказал.

– Рачок?

– Да не, не рачок... Криль... он для одних видимый, для
других невидимый. Пойдем... покажу.

Море шумит.

На прибрежных камнях сидит Криль.

– Вот он!

Мальчик видит Криля.

Девочка не видит.

– Ну тебя совсем, врешь ты!

– Да не вру я, не вру!

– Ну ладно... пошли...

– погоди, а как Криль? А ему без воды нельзя...

– Ты со мной или с Крилем со своим?

– Да погоди ты, я...

Девочка обижается.

Убегает.

Босые пятки по песку.

Волны лижут следы.

А уже август.

Мальчик с мамой на школьном базаре был, тетрадок к школе закупили, и пенал с музыкой, и ранец новый, с шипами.

Осень же скоро.

Скоро в школу же.

Мальчик с мамой по берегу идут, мальчик видит Криля, бежит к нему, ранец показать, у него шипы, как у Криля на спине

Мама Криля не видит...

...мальчик хватает ногами дно, дна нет, ничего нет, воздух вырывается из легких, сил нет держать, бульк... бульк...

Вспышка света.

Море шумит.

Кто-то осклизлый, чешуйчатый хлопает мальчика по лицу.

– Ти... есть... живой?

Мальчик открывает глаза, оторопело смотрит на жабую морду.

– Ага...

– Ти... был... тонуть?

– Ага... спасибо... вытащили...

Вот так мальчик с Крилем и познакомился.

Или нет, не так.

– Пойдем в аквапарк? Ну, пойдем?

Мама уговаривает.

Мальчик идёт за мамой в аквапарк, там классно, там дельфины всякие, и рыбы разные, и вот...

– А это... это кто?

Люди в аквапарке говорят:

– Его зовут Криль.

Криль сидит в тесном аквариуме, грязно там у Криля.

– Ма, а давай Криля купим?

Мама задумывается.

– Да он дорогой, наверное...

– Ну, давай!

– Ну, хорошо, хорошо... не скажете, сколько эта зверушка стоит?

И купили Криля.

А мальчик его в море выпустил.

Вот так они познакомились.

Или ещё как. Мальчик каждый раз по-разному придумывает.

Уже август.

А скоро осень.

И мальчик в школу пойдёт.

А Криль...

Криль говорит:

– Я тебя ждать буду.

– Будешь-будешь?

– Буду-буду...

Мальчик боится, мальчик не верит, а вдруг забудет его Криль, да не вдруг, а забудет, эка невидаль – мальчик. Криль миллион лет живёт... или сколько он там живёт, мальчик не знает. А может, и вовсе Криль за зиму в спячку впадает, а проснётся – мальчика не вспомнит...

– Ма, а у меня Криль есть.

– Брось сейчас же!

– Да нет... он невидимый... он разговаривать умеет...

– Да когда ж ты повзрослеешь наконец! У Риммы, вон, дочка на скрипке играет, этот себе всё крилей выдумывает...

Мальчик смотрит.

На Криля.

Нет, не на настоящего Криля, а на Криля, который на странице в книжке. Как настоящий нарисован.

И написано про него всякое.

Вот теперь мальчик маме покажет, что Криль самый-самый настоящий...

Мальчик читает.

Не верит себе.

...живут одно лето, умирают с похолоданиями...

– А ты что зимой будешь делать?

Это мальчик у Криля спрашивает.

Криль мнется.

– Я... в тёплые страны уплыву...

– Врешь ты всё!

– Ну... я вообще-то на зиму в ил зарываюсь, не хотел тебе говорить...

– И про ил врешь! Врешь!

Мальчик плачет. Такой большой мальчик, а плачет, уже десять лет мальчику, а плачет...

– Ма-а-а, ну пож-а-а-алуйста!

– И речи быть не может грязь эту в дом тащить!

– Мы его вы-ы-ы-моем!

Уже август.

И не верится, и быть не может, и оглядываешься, а как август, а почему, а уже? А только же что май был, ещё холодный, сука, потом июнь был дождливый какой-то, июль вот

порадовал, пожарил, и август припекал...

А тут на тебе.

Скоро осень.

А там и холода не за горами.

Тридцать первое августа.

Завтра маленький мальчик с папой, с мамой на такси, а там на самолёт, и в Москву. А второго сентября линейка праздничная, и с цветами все будут...

...только Криля там не будет.

Маленький мальчик бежит по пляжу, плачет, кричит:

– Не хочу осень! Хочу лето, всегда, всегда, всегда!

Криль вздрагивает:

– Ты... ты серьёзно?

Мальчик кричит:

– Серьезно! Серьезно! Я хочу, чтобы лето не кончилось!

Не кон-чи-лось!

– Ты тогда не вырастешь никогда...

– И пусть не вырасту! И не хочу вырастать!

– Да ты что? Ты же машину хотел... тебе права не дадут...

– И не хочу права!

– А капитаном корабля стать хотел?

– И не хочу капитаном! С тобой хочу!

Криль недоумеваает:

– Ты... ты хорошо подумал?

– Хорошо... – мальчик снова кричит – хочy это лето! Всегда!

Вечереет.

Мальчик бежит домой, оборачивается, смотрит на море, куда ушёл Криль...

Всхлипывает.

Уже август.

Нет, не так.

Ещё август.

Часы бьют полночь.

Раз...

Два...

Три...

...и так до двенадцати.

Вспархивают вспугнутые совы.

Летят желтые листья.

Маленький мальчик просыпается, жмурится от солнца.

Здесь солнце.

И море.

Папа ещё спит, мама приподнимается на кровати, сонно смотрит на мальчика:

А ты чего в такую рань, каникулы же... вот так, в школу не добудишься, а тут на тебе... поспал бы, устал с дороги....

Мальчик бежит к морю.

А там Криль, вот он, на берегу сидит.

– Криль! Криль!

Криль зовёт мальчика по имени.

Радуется.

Мальчик с Крилем плещутся в волнах. Криль учит мальчика плавать, не так, по-собачьи барахтаться, как мальчик делает, а по-настоящему плавать, вот так, руками, руками махать, ногами, ногами махать, нырять на глубину, где ракушки, а в ракушках жемчужины...

А на улице лето, жаркое лето, знойное лето, солнце вон как палит...

Кто-то окликает мальчика по имени.

– Не узнал, что ли?

Мальчик не узнаёт, чего это он здорового дядьку узнавать должен. У дядьки жена в тонюсеньком бикини, две дочки, девчушка маленькая к Крилю ручонки тянет, хоцу-хоцу-хоцу, и мама девчушку одёргивает, не надо, он грязный...

Здоровый дядька одергивает жену, кивает мальчику:

– Он у тебя ничего, вменяемый?

Мальчик кивает. Дядька разрешает дочке поиграть с Крилем, можно-только-осторожно, девчушка тянет к Крилю пухлую ручонку...

Дядька качает головой. Неодобрительно.

– Эх ты, я те списывать давал, а ты не узнаёшь...

А уже август.

Скоро июнь.

А Мишка Кочакин в Антарктиде был.

И в Гонолулу был, чёрт его пойми, где это, но был.

А у Вики Сорокиной самолёт.

Настоящий.

Всамделишный.

Свой.

Вика Сорокина вице-президент чего-то там по продаже чего-то там, вот у неё и самолёт.

Настоящий.

Вчера Вася Титушкин приходил, нет, нет, сын Васи Титушкина.

С Крилем играл.

Мальчик набрасывается на Криля:

– Ненавижу тебя! Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Это ты всё, ты!

Криль пожимает тощими плечами:

– Ты сам этого хотел.

Мальчик плачет.

Такой большой мальчик, а плачет.

Убегает от Криля.

Бродит по пустынному пляжу, пинает камушки.

Шумит бескрайнее море.

Солнце палит.

Мальчику скучно.

Мальчик снова идёт к Крилю, а Криль чего придумал, вытащил со дна морского сундук, а там сокровища...

Мальчик девочку видел.

То есть, не девочку уже, ей уже шестьдесят лет, считай жизнь прожи... тьфу, какое там, жизнь прожита, люди и до девяноста живут, шестьдесят, считай, самый расцвет...

И девочка мальчика видела.

То есть не девочка уже, а... ну да.

– Слушаю вас.

Врач смотрит на женщину, немолодая, в подтяжках вся, волосы крашенные-перекрашенные. Сейчас начнётся, а муж к молодой ушёл, а сын школу забросил, или нет, у сына, наверное, уже свои сыновья есть, а матери сын не звонит и с внуками видеться не дает... а муж в прошлом году умер, не иначе...

– Понимаете... я мальчика видела.

Врач кивает. Не иначе как плохое что-то этот мальчик делал, слова нехорошие писал или на крыльце курил... Сейчас начнется, вот в наши-то времена...

– То есть, он не мальчик уже... но мальчик. Мы с ним в школе учились... а он всё ещё мальчик...

– Не работает? Пьет? За компом играет?

– Да нет... у него этот... Криль...

– Криля разводит? – спрашивает врач, и тут же догадывается. Вот те на, надо же где про Криля услышал...

– Так-так... давайте-ка подробнее про мальчика этого...

Ноябрь.

У девочки ноябрь.

Это там, у мальчика август, а у девочки ноябрь уже.

Врач вежливо кивает:

– Ну что же... очень жалко, ничем вам помочь не могу... он много у кого так жизнь забирает... много их там...

– Да вы что?

– Ну...

– ...понимаете, мы с ним в классе одном...

Девочка (уже не девочка) называет фамилию мальчика.

Врач вздрагивает.

– Что же сразу не сказали. Что вы так...

Девочка (уже не девочка) вздрагивает:

– Так вы поможете?

– Помогу, помогу... разберёмся...

Море шумит.

Врач выходит на берег, оглядывается:

– Ну... показывайте, где.

– Вот, – девочка показывает на пирс, где мальчик с Крилем играют.

Врач идет к мальчику, быстро, размашисто, врач немолодой, сухой, поджарый, виски седые...

Криль настораживается.

Ощеривается, чешуйки дыбом встают.

– День добрый, – врач садится на корточки подле Криля, – ну что... мальчишку ты забрал...

Криль шипит, выпускает раздвоенный язык:

– Договор был... договор...

– Договор-то договор, только тут штука такая... это ж не просто мальчик... он же вырастет, он же параллакс изобретет.

Девочка не понимает, что такое параллакс. Но чувствует, вот сейчас, вот здесь, этот человек, он мальчика заберет, потому что боится его Криль, боится, хвост поджал, шипит...

Криль вспыхивает:

– Да осточертели вы с параллаксами со своими! Тот художник, этот учёный... куда ни плюнь...

– А ты чего хотел, люди они люди и есть...

Девочка смотрит на мальчика.

Мальчик смотрит на девочку.

Между ними пять шагов и пятьдесят лет.

Это ничего.

Сейчас они встретятся.

Сейчас-сейчас...

Криль оживляется:

– Так я понимаю... причина в ускорителе?

– Так ты понял, так.

Криль говорит что-то, быстро-быстро на своём языке, изредка вставляет русские слова, проскальзывает полужаночное – Атлантида...

Врач кивает.

– Хорошо. Неси давай...

Девочка не понимает, как так, почему так, Криль – бултых! – ныряет в волны, исчезает...

...появляется снова.

– Вот... держите.

Девочка не понимает.

Мальчик тоже не понимает. Должно же всё хорошо кончиться, в сказках же всё хорошо кончается, это же...

Врач кивает, хлопает в ладоши:

– По рукам.

Криль кивает:

– По рукам.

Девочка (уже не девочка) не понимает, что она тут делает, она же не девочка уже, ей же уже много лет, много-много, больше, чем пальцев на руках, и на ногах тоже. Девочка спешит, на самолёт надо успеть, на работу завтра...

Море шумит.

Уже август.

Или нет.

Ещё август.

Ещё целый август, целый-целый август, ещё в школу

не скоро.

Мальчик играет с Крилем.

Мальчик хочет, чтобы лето не кончалось.

Никогда-никогда.

Оборванная история

Подкашиваются ноги.

Понимаю, что обречен, так обречен, что мало не покажется. Делать нечего, стучу в дверь.

– Входите... входите.

Вхожу, вхожу. Странно, что вижу только одного палача, думал, их будет больше, человека три, как минимум.

– Э-э-э... здравствуйте.

– Привет и ты, коли не шутишь.

– А это... я на пересдачу.

– Готовились? Только честно.

– Честно нет.

– А чего пришли тогда?

– Ну... надо, я и пришел.

– Надо... кто ж так ходит... не видать вам пересдачи, как своих ушей...

Хватаюсь за соломинку.

– Дайте хоть попробовать!

– Чего там пробовать, если не знаете ничего...

Палач меняет гнев на милость, поворачивается ко мне:

– Что сдавать-то будете?

– Так историю...

– А-а-а... всё, свободны.

Сердце падает, путается в кишках.

– Да дайте хоть...

– Чего дайте, нету больше вашей истории.

– К-как нету?

– Так... пропала.

Не понимаю, не верю, как пропала, почему пропала. Палач протягивает мне толстый блокнот с чистыми страницами:

– Сам смотри.

– На что смотреть?

– Ничего не замечаешь?

– А... блокнот.

– Блокнот? Ни на что не похоже? По расцветке?

– А, на учебник истории похоже.

– Вот. Учебник истории. А текста нет.

– А...

– ...куда делся? Не знаю, не знаю, никто не знает. Но нет больше истории. Нет. Так что радуйся, парень, сдал ты всё...

Выхожу. На ватных ногах. Если до этого было страшно, то сейчас страшно в квадрате. В кубе. Не знаю, в чем. Потому что это вообще что-то из ряда вон выходящее, ну ладно, не сдал, ну ладно, не пересдал, ну ладно, на троечку пересдал, но это...

Это новенькое что-то.

Такое новенькое, что слов нет.

Пытаюсь вспомнить что-нибудь из курса истории, какие-нибудь даты, события, факты, уже сам не знаю, зачем

вспоминаю, просто так, проверить себя...

Ничего не помню.

Ни-че-го.

Не так не помню, как бывает, когда переучишься, и голова уже знания отторгает, а так, что вообще не помню.

Как будто...

Как будто истории вообще не было...

Павелецкий Иван Павлович я.

Что?

Можно не вставать? Это хорошо, а то прямо как на суде...
встать, суд идет...

Что, простите?

Да, моя книга... в смысле, нет, не я писал, в смысле, у меня дома лежала... Да, там история написана.

Что?

Да, плохо слышу. Почему у меня история лежала нестертая? Да, это я всё устроил. Историю стер. Нет, не стер, тут другое... я, считайте, весь мир спас...

Сейчас расскажу, как. Вот вы откройте, будьте добры, учебник-то, который у меня отняли... ничего не замечаете? А вы с начала, с начала откройте... видите? Да, чистые страницы. А в конец посмотрите. Да, там страницы нечистые. Пока еще. Скоро тоже чистыми станут.

Почему? А вот... вы найдете там страницы, где текст еще есть... и почитайте. Первую строчку. Что там? Пришел Ди-

козвир, всех побил. Да, вот так. Завтра эта строчка переместится на страницу вперед. Потом еще вперед. И еще.

А вот так. Видите... вот есть история наша... путь нашей истории. А по этому пути идет Дикозвир. И всех побеждает. Захватывает. Не знаю, как сказать. Рано или поздно он бы и до нашего времени дошел.

Что?

Нет, я не знаю, кто такой Дикозвир. Просто написано здесь. Дикозвир.

А?

Что говорите?

Если он там всех захватил-поборол, значит, и мы сейчас должны быть у него в рабстве, потому что прошлое на настоящее влияет?

Я вот тоже не понимаю, как это происходит. Это вы у Дикозвира спросите. Вернее, ничего вы у него не спросите, вы с ним не встретитесь уже, я вас от него спас.

Ага.

Что говорите?

Как спас-то?

Да очень прост. Нить истории обрубил.

Как обрубил?

Ну вот... способности у меня такие. Историю обрубать.

Что?

Да, несколько раз пользовался... обрубал и перекраивал. Когда под машину попал. И когда жена под машину попала.

Так что не бойтесь, теперь до вас Дикозвир не дойдет. Не благодарите, не за что, не за что... любой бы на моем месте так сделал.

– Присаживайтесь.

Он устраивается в кресле, вижу, руки трясутся, ага, боится, чувствует, что разговор серьезный будет...

– А вы, значит... историю обрубали.

– Обрубил. Вы поймите, у меня не было другого вы...

– ...понимаю, понимаю. Дикозвир идет, от Дикозвира прятаться надо. Только... вы хоть понимаете, что такое наша история?

– Ну... путь какой-то.

– Вы думаете, путь... а история наша, всё время наше, от большого Взрыва и до конца, это канат... канат, натянутый над пропастью.

– Откуда вы...

– Ученые наши поработали... додумались. А вы канат обрубали.

– И?

– Что И... теперь обе половинки каната падают. Каждая в свою сторону. Это значит, что мы стремительно приближаемся к другому берегу, между которыми был натянут канат.

– А что там... на том берегу?

Пожимаю плечами. Этого мы еще не знаем.

Но узнаем очень скоро.

Треугольные тюрьмы

– Принимай заказ, что ли.

Принимаю заказ, что ли. Первый. Самый первый. Волнуюсь, не то слово, проклятое чувство, что сейчас дадут что-нибудь такое, к чему вообще не буду знать, с какого бока подойти.

Мастер протягивает листок бумаги:

– Вот... линию видишь?

Присматриваюсь к бумаге, вижу прочерченную прямую.

– Вижу.

– Отлично. Прямо молодец. Берешь ручку, точки на линии ставишь.

Мне кажется, я ослышался.

– Чего?

– Две точки, говорю, ставишь. На линии.

– 3-зачем?

– Затем, что заказчик так велел, что непонятно-то...

Всё непонятно-то. Издевается он надо мной, что ли... Очень похоже. Я тут ждал какие-нибудь балясины для лестницы или решетку кованую, а тут нате вам, точки ставить.

– Сделаешь?

– Сделаю, как не сделать.

– Ты не торопись, ты смотри, чтобы ровнехонько точки стояли. Заказ все-таки...

Осторожно спрашиваю:

– А.... для чего?

Мастер фыркает:

– Па-а-арень, меньше знаешь, крепче спишь, слышал такое? Вот то-то же...

Ставлю точки. Осторожно. Бережно. Как заказчик велел.

Выдыхаю:

– Г-готово.

– Ну, молодец... Щедрый заказчик оказался, хорошо заплатит...

– За две точки?

– За них. Я сам офигел, когда заказ увидел... а куда деваться, это еще понятно.... А то бывает, вообще заказ принесут, хрен пойми, чего человек хочет, фифа такая пришла, я её спрашиваю, так вам параллельно надо доски или перпендикулярно, она глазками хлопает, а это что, не одно и то же?

Смеемся, у мастера морщинки разбегаются по лицу. Ничего, хороший человек попался, душевный, я думал, вообще какой-нибудь бешеный окажется, который на всех орет. Хотя кто его знает, все они сначала душевные, не с первого же дня на работника орать...

...это время запомнится как одна из самых тяжелых и мрачных эпох. Миллионы восставших были брошены в тюрьму, которая была построена буквально за считанные часы. Это было тем более странно, что до этого в стране во-

обще не было тюрем. Ходят слухи, что для постройки тюрьмы задействовали технологии из других миров...

...просыпаюсь.

Что-то снилось, бред какой-то снился, про науку... а нет, вру, историческое что-то, про репрессии про какие-то там...

Растираю виски.

Выбираюсь из постели, на работу уже пора...

– С компьютером-то как, дружим?

Теряюсь.

– М-м-м... на кнопки нажимать умеем. А чего надо?

– А ты как думаешь?

Улыбаюсь:

– Программу писать, не иначе.

– Ага, и Пентагон взламывать. Не, тут другое. Три линии нарисовать надо.

Мне кажется, я ослышался.

– Три лилии?

В голове уже начинает вертеться, е-е-е-сть в графском парке черный пру-у-уд...

– Да нет. Линии.

– И ради этого меня...

– Ну, не хочешь, не делай, двадцать тыщ другому кому достанутся.

Давлюсь собственным голосом.

- Двад...
- Ну а то.
- Шутите.
- Да нет, договор с заказчиком есть.
- А линии параллельные?
- Да нет... треугольник нарисовать надо.
- Равносторонний?
- Гхм... тут не написано, какой.
- Это бы уточнить, а то мало ли чего заказчику надо...

РАІNT

ОТКРЫТЬ.

Делать нечего, рисую треугольник, как велели, один угол прямой, два других не прямые, две стороны одинаковые, третья неодинаковая.

СКОПИРОВАТЬ.

ВСТАВИТЬ.

СКОПИРОВАТЬ.

ВСТАВИТЬ.

На экране мелькает узор из бесчисленных треугольников. Считаю, десять, двадцать, тридцать, сто, двести, триста, тысяча.

Чер-р-рт...

Готово.

ПЕЧАТЬ...

– Слышал чего, заказчик еще пять штук подкинул.

Вздрагиваю:

– Заказов?

– Да нет, тысяч... от щедрот...

Не выдерживаю, говорю, что думаю:

– Сумасшедший.

– Похоже. Нам-то какое дело, заплатил, и хорэ...

...до сих пор с содроганием вспоминаю годы, проведенные в одиночной камере. Иногда казалось, что еще немного – и я сойду с ума, а иногда казалось, что я уже лишился рассудка. Выбраться оттуда не было никакой возможности – ходили слухи, что эта тюрьма на тысячу камер была создана по заказу тирана в каких-то высших измерениях, в каких-то мирах, о которых мы ничего не знаем...

...просыпаюсь.

Растираю виски.

Лезет в голову какая-то муть, какие-то страницы какой-то истории, и точно знаю, что в нашем мире ничего подобного не происходило.

– ...говоришь... одиночные камеры снились?

– Не... воспоминания про камеры.

– Камеры о трех углах?

– Ну да, а...

Осекаюсь.

Смотрю на наш вчерашний заказ, до сих пор остался на экране, не стер я треугольники, оставил на всякий случай...

Осторожно спрашиваю:

– Вы думаете...

Мастер хмурится.

– Вот оно что получилось...

– Они опять точки заказывают, – мастер вертит в руках листок бумаги.

Что-то обрывается внутри меня.

– Не буду делать.

– Правильно, нечего, – неожиданно соглашается мастер, – знал бы сразу, в жизни бы не взялся... сами пусть свое строят...

Задумываюсь.

– А я даже знаю, какой заказ нам следующий принесут.

– Какой? – мастер настораживается.

– А вот... четыре треугольника из фанеры выпилить. Чтобы потом их в пирамиду сложить.

Мастер фыркает.

– Кто ж так у нас тюрьмы делает. Тогда уж шесть квадратов закажут... из прутьев стальных. Чтобы клетка получилась.

Киваю.

Мастер продолжает:

– Будем ждать клетку.

Настораживаюсь:

– И?

– Что и... черта с два мы им делать что-то будем.

Начинаю сомневаться.

– Гхм... с таким заказчиком ссориться себе дороже будет.

– Ничего... справимся...

Думаю, как будем справляться с заказчиком.

Не знаю.

– Ну что... заказ пришел...

Смотрю на мастера, вот это называется, лица на человеке нет. Так, началось, сделайте заказчику стол, чтобы он же кровать, он же сервант, с выдвижными столиками, чтобы по касательной выдвигались, по параболе задвигались, чтобы...

Осторожно спрашиваю:

– Четыре треугольника?

– Не... хуже. Выше бери...

Не понимаю, но уже прошибает холодный пот:

– Что... выше?

– Что-что... пять пирамид сделать надо.

– Ч-чего?

– Пять пирамид, чего. Стальных.

Сначала не понимаю, ну пирамид и пирамид, ну пять и пять, выточим, всё честь по чести...

Спохватываюсь.

Пять пирамид.

Пять...

...пирамид.

Срываюсь почти на крик:

– Не буду делать!

Жду, что мастер покажет мне на дверь. Не показывает.

– И чего? И как с этими воевать будешь? Они же заказ требуют...

Думаю, как буду воевать.

Спохватываюсь:

– А если это... бракованные пирамиды сделать? Ну... что-бы из тюрьмы сбежать можно было?

– Слушай, дело говоришь... только как бы сделать... что-бы не заметили...

Киваю:

– Сделаем.

...благодаря отчаянной выдумке мастера, который сделал бракованные стены, из тюрьмы сбежали миллионы узников. Вскорости режим тирана пал. К сожалению, отважный мастер был убит тираном, повстанцы не успели спасти мастера...

...просыпаюсь.

Уже по привычке не встаю с кровати сразу же, лежу, вспо-

минаю, что я видел, что читал на страницах во сне.

Вспоминаю.

Прошибает пот, что-то подсказывает мне, что мастер — это я.

— Бежать надо, чего, — мастер бросает ключи в кейс, хватает куртку.

— Вы... вы тоже хотите бежать?

— Парень, ты во сне что увидел? Мастер был убит. Мастер. Так что это и мне может прилететь...

Киваю. Может.

Забираемся в машину, на всякий случай оборачиваюсь, не следит ли за нами кто...

— Отбой, парень.

Смотрю на мастера. Не понимаю.

— Отбой... не надо нам прятаться...

— А что так?

— А вот... сам посмотри... э-э-эх, парень, чтоб я еще твоим снам верил, да ни в жизнь...

Смотрю. Сам. Хрустальный шар, вернее, то, что кажется хрустальным шаром, серебристая дымка в шаре складывается в слова, то ли снаружи, то ли у меня в голове...

...к сожалению, постройки были разрушены с первой же непогодой, из чего власти сделали вывод, что нельзя дове-

рять строительство домов специалистам из низших измерений...

Точка на набережной

– Вы что?

– А?

– Что вы на меня так смотрите?

Вздрагиваю. Думаю, действительно, что это я так на неё смотрю. На кого, на неё. Не знаю. На неё. Даже имени не пом... или не знаю.

Хочу спросить, не встречались ли мы где-нибудь. Не спрашиваю. Слишком банально.

Ухожу по проспекту, в холод, в снег, в дождь, хочу обернуться, не оборачиваюсь.

И, черт возьми, я её где-то видел.

Вспомнить бы еще, где...

– А-а-а, сколько лет, сколько зим!

Вздрагиваю. Началось... в деревне утро. И не отбрешешься уже, что на пять сек заскочил рюмочку пропустить, а то дождь так и хлещет, ни одной сухой нитки на мне не осталось. Да нет же, уже вываливается из полумрака кто-то подвыпивший, жарко дышащий, покачивается, чуть не валится на меня, а-а-а, сколько лет, сколько зим, давай по маленькой за встречу...

Думаю, как бы потактичнее сказать, что мне завтра на работу. Не успеваю. Парень подходит ко мне совсем близко,

вздрагивает.

– Из-звините... ошибся... спутал вас...

– Да ничего, бывает.

Выхожу из бара, уже забываю, зачем заходил.

Задним числом спохватываюсь.

А ведь видел я его где-то. И не так видел, как бывает, случайно встретились в какой-то компании, перекинулись парой слов, а так видел, что забыть-то невозможно...

А вот нате вам.

Забыл.

– Ты бы здесь не ходил.

– А?

– Говорю, ты бы не ходил здесь...

Смотрю на парня, думаю, где я его раньше видел. А да. В дымном баре, когда он тянулся ко мне, а-а-а, давай за встречу...

Нет.

Не то.

Где-то я его видел раньше... еще раньше... Что он говорил... а да, чтобы я не ходил здесь. Так дело дрянь, такая дрянь, что дряннее некуда, как-то раньше с этим не сталкивался никогда, слышь-ты-с-какого-района-телефон-есть-а-если-найду. И надо бежать, и не бежится, чертова гордость, чертово всё...

– А что такое?

– Да я заметил, вы тут каждый вечер ходите.

– И... ну да... нравится мне... а что, нельзя?

– Не надо, – он приближается ко мне, понижает голос до шепота, – кончится это... плохо.

Что-то прорывает внутри:

– Вы мне еще угрожать будете?

– Да я не угрожаю, я наоборот предупреждаю, как бы не вышло чего... ну, давайте...

Уходит. Смотрю ему вслед, снова спрашиваю себя, где я его видел.

Ухожу. С набережной. А то как бы не случилось чего. Не знаю, чего. Но не случилось. А ведь правда, зачастил я на эту набережную, зачастил, тянет и тянет сюда, каждый вечер, в половине седьмого, подхожу к парапету, смотрю вниз.

И дрожь пробирает.

Вот здесь, у парапета всякий раз пробирает дрожь...

Оглядываю сидящих. Надо что-то делать, что-то говорить, как-то представиться, раз уж все равно оказались тут все вместе, запертые черт знает насколько, если все равно не помню, как я сюда попал. Чертова стеснительность, слова из себя выжать не могу...

Парень напротив меня оживает.

Ну, давайте, что ли, знакомиться будем. Меня Денисом зовут.

Девушка в кресле чуть приподнимается:

– Алина.

Понимаю, что оба вопросительно смотрят на меня.

– А вас как зовут?

Спохватываюсь, что забыл свое имя. Напрочь. Вот так бывает. Но черт возьми, нужно же назвать какое-то имя...

– Олег.

– Очень... приятно.

Встаем, чтобы пожать друг другу руки. Не успеваем.

Дверь распахивается, кто-то врывается в комнату, хочу посмотреть в его лицо, не могу, не вижу лица...

– Нет, нет, нет, все не так, все не так, – он хлопает в ладоши, – вы не должны были встретиться! Вам еще рано встречаться!

Но...

Не успеваю ничего возразить, мир проваливается куда-то в никуда.

Просыпаюсь.

Луна смотрит на меня в окно, чего не спишь.

Начинаю вспоминать, где я их видел. Парня из бара. И девушку из переулка. Видел. Там. Во сне.

– Ты не понял, что тебе сказано было?

Оборачиваюсь. Смотрю на Дениса, теперь я помню, его зовут Денис.

– Не понял... про набережную?

Взрываюсь.

– Слушайте, вам-то какое дело, где хочу, там хожу!

Жду скандала. Не дожидаясь. Денис хватается за перила, смотрит в серую гладь воды.

– А ты когда сюда приходишь, тебя дрожь не пробирает? – спрашивает Денис.

– Пробирает. Еще как.

– Вот здесь ты и умрешь, значит.

Не выдерживаю, бросаюсь на Дениса, тут же получаю тычок в грудь, мостовая бьет меня по спине, больно, сильно...

– Документы ваши...

А вот и полиция подросла, вот и отлично...

– Не, не, все в порядке, – Денис поднимает меня, многозначительно толкает в бок, – теперь понял, как надо? Ничего, я на борьбу записался, тоже ничего не знал...

Денис уводит меня прочь от набережной. Странное чувство, будто я должен остаться здесь, на набережной.

Молчим.

Начинает накрапывать дождь, мелкий, холодный, мерзкий...

– А ты, я вижу, от своего не отступишься... – кивает Денис, – ходишь и ходишь сюда...

– Говорю то, что давно уже вертится на языке:

– Я хочу знать...

– ...что это значит, да?

– Ну да.

– Ну хорошо... пойдём... потолкуем... да не бойся ты, ничего я тебе не сделаю...

План романа

Три сюжетные линии.

Девушка, у которой злодей отбирает некий артефакт.

Злодей, который отбирает артефакт у девушки.

Герой, который спасает девушку от злодея.

Сюжетные линии идут параллельно. Одна глава на девушку, одна на героя, одна на злодея. И снова – девушка, герой, злодей.

До последней точки линии не пересекаются между собой, читатель не должен догадаться, что герои связаны друг с другом.

Недоверчиво смотрю на листок.

– И это... все, что запланировал автор?

Денис фыркает.

– Что ты, далеко не все... Это все, что в наши руки попало.

У автора там такие задумки, что закачаешься...

Стараюсь не представлять, что там за задумки у автора.

Нас здесь семеро. Я, Денис, Алина, еще двое парней, у которых даже имен нет, автор дать имена не удосужился. Еще

один человек, босс Алины, который очень переживал, что автор не написал, кто у Алины босс, мужчина или женщина. Мы его утешали, да забей ты, мужик ты, мужик, кто бы сомневался, а он головой мотал, не, ну а вдруг под занавес будет встреча с боссом, и тут окажется, что босс женщина...

Был здесь еще один человек, которого автор хотел сделать боссом злодея. Про этого даже не было известно, есть он или нет, и поэтому в углу сидело что-то расплывчатое, призрачное, не то существующее, не то нет.

– А это что?

Смотрю на флешку посреди стола, спрашиваю:

– А это что?

– Магкаффин.

– Это еще что за графин такой?

– Да не графин... – Денис хмурится, – короче, хрень такая, за которой все охотиться будут.

– А что там на флешке?

– Пока неизвестно.

– Так давайте в комп вставим да поглядим, делов-то...

– Да нет, ты не понял, там вообще еще ничего нет. Автор еще не додумался.

– Все-то тебе знать надо, – фыркает один из парней.

– Да что вы на него наехали, парню-то хуже всех придется... – говорит Денис.

– А что такое?

– Что... погибнет он, что.

– Да вы чего? – Алина вздрагивает.

– Погибнет, – продолжает Денис, – какой-нибудь друг главного героя... который всем помогает... и собой жертвует.

На меня смотрят. С уважением. По крайней мере, мне так кажется.

Денис оглядывает собравшихся.

– Ну что... кто что новенького нашел?

– Я нашел, – шеф Алины поднимается, показывает сложенную вчетверо бумагу, – вот...

– Так разворачивайте...

Шеф разворачивает.

– Финал... на набережной...

Ну, это мы уже почуяли, что на набережной финал, – говорит один из парней.

– Да хороши уже перебивать-то! Ну вот... сходятся главный герой, злодей и девушка...

– Значит, я не второстепенный.

Говорю, тут же мысленно бью себя по губам, сказано же, не перебивать...

– С чего ты взял?

– Ну... если я там, на набережной умираю, а там на набережной только девушка, герой и злодей...

Денис недоверчиво смотрит на меня:

– Так ты главный герой, что ли?

Пожимаю плечами. Похоже на то... и как-то неудобно пе-

ред Денисом получается, он же себя главным героем видел, а тут нате вам...

– Стойте... – один из парней листает записи автора, вынимает последнюю страницу, – вот... посмотрите...

– Что такое?

– На последней странице... видите? Герой, и его девушка... живые...

– И что?

– Ну как что, если герой и девушка в конце книги живы остались, это что значит? Значит, злодей погиб...

Все смотрят на меня.

Медленно приподнимаются с мест. Уже понимаю, что будет дальше, распахиваю дверь, бегу прочь, на улицу, в снег. Ветер хочет сбить меня с ног, не может, сердится, пробирает до костей, даже не вспоминаю, что оставил пальто там, в комнате.

Кто-то догоняет меня. Кто-то легкий, невидимый, призрачный, настигает легко-легко...

Оборачиваюсь, выставляю кулаки, как тренер учил:

– Что надо-то, я не понял?

Тень отступает. Узнаю злодейского хозяина, такого секретного, что даже неизвестно, есть он или нет.

Иду домой. Делаю несколько шагов, понимаю, что тень снова тянется за мной.

Оборачиваюсь. Повторяю:

– Что надо-то?

Тень пытается показать мне что-то знаками, не понимаю...

А, вот оно что...

– Ладно... пошли вместе...

– Мы должны с ними связаться.

Мой шеф всем своим видом показывает, что нет-нет-нет, не должны, ни в коем случае.

– Не... должны. Понимаешь... надо же втолковать им как-то, что не виноваты мы, что нас писатель злодеями сделал...

Беру пальто. Другое пальто, то осталось в клубе, где меня чуть не убили. Шеф мечется передо мной темной тенью, всем своим видом показывает, что не разрешает мне туда ходить, нет-нет-нет, он все-таки мной командует, он все-таки шеф...

Повторяю:

– Надо. Обязательно.

Снег в лучах фонарей.

Морозец покусывает щеки.

Замираю перед дверью.

Жду – сам не знаю, чего. Еще можно уйти, убежать, спрятаться, пока не увидели, пока не набросились на меня...

Нет.

Надо войти.

Толкаю дверь, не слушая отчаянные протесты шефа.

Оглядываюсь.

Никого.

Тишина.

Слой пыли на столах, как будто в этом маленьком клубе никогда никого и не было.

Шеф показывает мне знаками:

– Они ушли.

Хочу согласиться с ним, – и не соглашаюсь, нет, тут другое что-то, понять бы еще, что...

А вот...

– Нет. Они не ушли. Тут другое... их просто... автор узнал... что они обо всем догадались. И стер их... переписал... придумал других. Где-то теперь ходит другой герой. Другая девушка... А нас тут не было, вот он и решил, что мы ничего не знаем... и можно нас оставить...

Шеф тащит меня на улицу. Даром, что он бесплотный, и даже за руку не может меня взять – тащит на улицу. Спешу за ним. Понимаю, что если останусь здесь хоть на минуту, это может плохо для меня кончиться.

Вздрагиваю.

Отворачиваюсь быстрее, чем он спросит – что вы на меня так смотрите.

Кто он?

Не знаю.

Темный силуэт в свете фонарей.

Резкий орлиный профиль.

И тычок в сердце, тревожный звоночек – как бывает, когда встречаю кого-то знакомого, кого не должен знать.

Сначала думаю, что это новый герой. Вместо Дениса. Но нет, нет, другое что-то, другое какое-то чувство, которого раньше не было.

Мой шеф наклоняется ко мне, шепчет:

– Это автор.

– А?

– Автор это, вот кто.

Меленько и мерзенько покалывает в пальцах. Вот оно что...

Иду за ним. То замедляюсь, то ускоряю шаг. Когда он оборачивается, я осторожно отступаю в тень, а я что, а я ничего, а я вообще тут не при чем, стою... м-м-м... автобуса жду. Как остановку уже полгода как перенесли, да вы что...

Выходим на набережную. Снова начинает мерзко покалывать в груди.

– Как думаешь, он...

Оборачиваюсь, понимаю, что моего шефа рядом нет. Уже хочу выругаться, хорош друг, ничего не скажешь, тут же чуть не хлопаю себя по лбу. Ну конечно. На набережной под занавес должен оказаться я, а шефу моему сюда путь заказан.

Автор подходит к парапету.

Иду за ним, спрашиваю себя, что я, собственно, собираюсь делать...

Клуб Отвергнутых Десятилетий

В далекие семидесятые на площади появилась станция метро. Потом на смену семидесятым пришли лихие девяностые, и площадь вокруг станции обросла торговыми палатками. Лихие девяностые сменились неопределенными десятилетиями, все павильоны были пущены под снос, площадь опустела.

Потом после десятых пришли нулевые, которые до этого где-то затерялись. Нулевые должны были сменить торговые палатки на павильоны, но павильоны уже были снесены, и нулевые стояли в нерешительности, потирая затылок и не зная, что же им делать. Пока нулевые размышляли, наконец-то пришли восьмидесятые, чья очередь тоже была пропущена.

Восьмидесятые с воодушевлением хотели провести олимпиаду и поставить везде на площади телефоны-автоматы, но им тактично намекнули, что какие к черту автоматы, у всех уже сотовые есть, да и вообще какая олимпиада, какое что, уже двадцатым пора быть, а у нас тут черт знает что творится.

Восьмидесятые обиделись и примкнули к нулевым, которые тоже выпали из времени и тоже обиделись. Появилось даже объединение годов, выпавших из хода времен. Чуть позже в это объединение пришли двадцатые, которым тоже

не повезло: их срок так и не пришел, вслед за восьмидесятыми начались сразу сороковые. Восьмидесятые оказались незлопамятными и приняли двадцатые в Клуб Отвергнутых Десятилетий.

В стране тем временем объявили референдум, в какое время люди хотели бы жить. Мнения разделились, люди старшего поколения предпочитали восьмидесятые, те, кто помоложе – десятые. Нашлась горстка безумцев, которые мечтали жить в далеком будущем. Но все эти референдумы не имели никакого смысла, потому что время менялось вне зависимости от желания на то людей.

Время обещали починить со дня на день, это со дня на день тянулось уже десятки лет. Не хватало то стрелок, то шестеренок, то еще чего-нибудь важного...

Числовая кривая

Листаю записи.

– А что такое три с половиной измерения?

Он бледнеет.

– Не... не знаю.

– Не знаете...

Листаю дальше. Тикают ходики на стене. Дождь моросит в окна. Сегодня пасмурно, до черта пасмурно, в тумане не видно солнца, вот это меня больше всего бесит, что не видно солнца. Может, солнце уже погасло, а мы не знаем. Вспоминаю, сколько идет свет от солнца до нас. Вроде три года или что-то около того.

Листаю...

...в пространстве больше пустоты, чем материи. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на структуру атома: между ядром и электроном расстилается пустота. Таковую же пустоту можно увидеть между частицами времени. Дело в том, что время точно так же дискретно, есть мельчайшие неделимые частицы времени...

Перелистываю.

То же самое можно сказать и о мире чисел. Есть минимальное неделимое число, размеров которого мы еще не знаем. Расстояние между минимальными числами на числовой

прямой гораздо больше самих чисел. Числовая прямая фактически заполнена пустотой...

Откладываю тетрадь.

– Не понимаю...

Он смотрит подслеповатыми глазами.

– Я тоже... не понимаю.

– Как не понимаете, это же вы писали!

– Так это когда было... в прошлой жизни...

– И ничего не помните?

Старик смотрит на меня, щурится.

– А ты? Малец, а ты-то сам помнишь что-нибудь, что с тобой в прошлой жизни было?

– Ну... то я, а то вы.

– И какая разница?

– Ну... вы умный... а я нет.

Старик смеется сухим рассыпчатым смехом. Старик уже не отпирается, уже не отнекивается, да в жизни я этой тетради не видел, да вы меня с кем-то путаете, да вы с ума сошли, да я щас милицию...

Вспоминаю про капсулу времени:

– А как вы капсулу сделали, которая Большой Коллапс пережила и Большой Взрыв?

– А никак.

– Нет, я серьезно.

– И я серьезно. Понимаете... эта капсула времени... с тет-

радьё... я её как-то иначе передал из одного времени в другое... через какую-то червоточину во времени...

– Значит, через эту червоточину мы все можем перебраться? Уйти от того... что сейчас приближается?

– Нет... с людьми так не получится.

– Откуда вы знаете?

– Не... не знаю... не помню...

Темнота за окном сгущается, отмечаю про себя, вроде ровнато темнеет.

Листаю тетрадь.

– Сынок... ты бы это... кофе бы мне заварил, что ли...

Еле сдерживаюсь, чтобы не запустить в него тетрадь. Тут счет идет уже на часы, если не на минуты, а ему кофе подавай...

Тут же смущаюсь, старый человек у меня в гостях, а мне лень задницу от кресла оторвать, кофе сделать. Отрываю задницу от кресла, иду на кухню, кухни нет. Долго смотрю на стену, за которой раньше была кухня, пытаюсь понять, что происходит. Наконец, спохватываюсь, что это не он у меня в гостях, а я у него. Ну да ничего. Кофе все равно сделать можно...

Делаю кофе, старик бормочет что-то, что там вон еще хлебушек вроде был, открываю холодильник, вынимаю хлебушек, побитый плесенью, нда-а, не жирно живет старик...

Бросаю хлеб в мусорку, выслушиваю гневную тираду, что еще можно было птичкам бросить, хочу сказать, что через

полчаса здесь не то, что птичек, здесь и людей-то не останется.

– Да я щас милицию...

Дверь уже готова захлопнуться перед моим носом, просовываю удостоверение.

– Я из неё.

– Вот черт... – старик отступает в глубину коридора, бормочет какие-то проклятия.

Показываю тетрадь.

– Узнаете?

– Что тут отпираться... все равно всю душу вытрясите... узнаю.

Вхожу.

– Никто вашу душу драгоценную вытряхивать не собирается.

– Где... где вы её взяли?

– Там, где вы её положили.

– Слушайте, не помню я, где я её положил...

– В капсулу времени. Не помните?

Это было полчаса назад.

Снова открываю тетрадь.

Читаю.

Спрашиваю:

– А это что? Замкнутая числовая прям...

Уже готовлюсь услышать – не помню.

– А-а-а, это числовая прямая... только никакая она не прямая.

– Кривая?

– Да нет... Вы знаете, что вселенная бесконечна?

– М-м-м... что-то слышал.

– Раньше считали, что она бесконечна. Во все стороны. А теперь мы знаем, что вселенная замкнута сама на себя. И если очень долго двигаться по вселенной вперед, окажешься в той же точке...

Хочу сказать, что я этого не знал. Не говорю.

– Ну и вот... я понял... что числовой ряд тоже не бесконечный. Вот скажи мне, какое самое большое число?

– Миллиард.

– А если подумать?

– Не знаю. Триллион какой-нибудь... квинтиллион... не знаю я. А можно в Инете посмотреть?

– А не нужно. Потому что числовая прямая... замыкается на саму себя. Понимаешь? Я тебе скажу, какое самое большое число. Центион. Единица и шестьсот нулей. А за центионом следует...

– Центион один.

– Нет. Минус центион. Потому что числовая прямая замыкается в кольцо. Сама на себя.

Вежливо киваю.

Старик прихлебывает кофе, испытующе смотрит на меня:

– Похоже на бред сумасшедшего, верно?

– Ну что вы, что вы... я вам верю... числовая прямая замыкается сама на себя... время замыкается само на себя... и события, которые уже были... повторяются...

– Ну, вот видите, вы уже понимать что-то начали...

У меня нет сил сказать, что даже не начинал понимать.

– Парень, ты вот чего в тетради посмотри... там должно быть... измерение минус один... видел?

Листаю тетрадь. До конца. Было же, было же, было...

– А вот. Измерение минус один, минус три...

Старик хмурится.

– Значит, это мне не приснилось.

– Что не приснилось?

– Это... что число измерений может быть не только положительным... но и отрицательным. Что вы на меня так смотрите?

– Мне кажется... ерунда полная. Отрицательное число измерений... звучит как... отрицательное число яблок... или камней... или людей...

– Не верите? А, тем не менее, все так и есть... минус одномерный мир... минус двумерный...

Киваю. Здесь я уже чему угодно готов поверить. После всего, что случилось.

Что-то рушится там, внизу, понимаю, что упали нижние этажи. Дом стоит – как стоят сотни других домов, у которых

остался только верх, плавающий в тумане.

Туман подступает.

Не выдерживаю.

– Послушайте, если вы в прошлой жизни нас спасли, так в этой-то что вам мешает?

Старик отчаянно сжимает виски.

– Не помню я ничего... не помню...

Снова грохот там, снаружи.

Туман приближается.

Думаю, сколько нам осталось.

Нам.

Всем.

Разовые вселенные

– А вселенные все разом разорвутся или по очереди?

Это ученик спрашивает. Ученик глупый, не знает ничего, вот и спрашивает.

Учитель смотрит на ученика с презрением. Глупый ученик, вопрос задать и то толком не может, а туда же.

Ну да ничего. Учитель сам когда-то такой был... не-ет, не был, уж таким-то глупым учитель не был.

Все-таки отвечает учитель.

Кто как.

– Значит, по очереди?

Кивает учитель.

– Значит, так.

Молчат.

Ужинают.

Темнеет. Сейчас рано темнеет, света-то не осталось совсем.

– А если другая вселенная умрет, мы это увидим?

Учитель смотрит на ученика, фыркает. Вот ученик-то глупый, этого и то не знает, откуда только взялся такой.

– Нет. Не увидим.

– Далеко сильно? – уточняет ученик.

Учитель сердится. И то правда, когда трапезу едят мудрые мудрецы, так и надо трапезу есть, а не вопросы спрашивать.

– Не далеко. Не видно. По-другому не видно. Мы там, они тут.

– А-а-а, четвертое измерение... – догадывается ученик.

Учитель недовольно фыркает. Ишь чего, мудреные слова знает. Тут надо уму-разуму учиться, а не слова мудреные знать, что слова, тут не знать, а понимать надо, вон, ученик умные разговоры говорит, а понимать не понимает.

– Не видим, – добавляет учитель, – чувствуем.

– А как чувствуем?

Учитель разводит крыльями. А так. Кто не чувствовал, тот не поймет. А кто чувствовал, тот знает.

Стемнело. Спать ложатся. Это всегда так, когда стемнеет, спать ложиться надо. Учитель парит в пустоте, складывает большие крылья, все четыре. Ученик в пустоте спать не привыкший, роет песок, ложится в ложбинку, так спать будет. Вот такой ученик дурной, откуда только взялся такой, ни крыльев, ни пиков, ни шипов, ничего, две руки, две ноги, голова, два уха. И взялся не пойми откуда, черт пойми, каким чертом его сюда занесло.

Чудной ученик.

И спать надо, а не спит ученик, вопросы спрашивает. Тут спать надо, а он вопросы спрашивает.

– А объекты из одной вселенной в другую часто проходят?

Это снова ученик спрашивает.

Мотает головой учитель.

Почти никогда.

Почти никогда – это как часто?

Учитель хмурится, что непонятно-то.

Почти никогда – это почти никогда.

Хмурится учитель. Хмурится, но всё-таки отвечает, еще бы не отвечать, спрашивает ученик, надеется домой вернуться.

Спать пора.

Спят.

Ночные мороки подбираются к спящим, дочиста выпивают отоснившиеся сны.

Это они могут.

Засыпает учитель, отдыхать надо, путь-то неблизкий до перехода. А через переход до дома ученикова рукой подать, там ученик дома будет.

Ученик говорил, у них там вода с неба течет. Паром по небу ходит, и с неба течет.

Врет, наверное.

Хотя, может, и правда.

Кто его знает.

Светает.

Ученик просыпается, подскакивает.

– Что такое?

Это учитель спрашивает. Хмурится учитель, недоволен учитель, что там опять с учеником...

Ученик растирает виски.

– Теперь знаю... как чувствуют вселенные... которые

умирают.

Учитель кивает.

– Вперед наука.

Спыхватывается, смотрит на ученика, начинает понимать.

– Вот оно что...

Ученик кивает.

Собираются в путь.

Теперь уже не к переходу.

Теперь к учительскому дому, у учителя дом есть.

Там, за холмами.

Паутина

Пауки – хищники, которые используют в пищу насекомых и мелких животных...

Поднимаюсь по лестнице на последний этаж...

А?

Как меня зовут?

Уважаемый читатель, вы скажите, вам это зачем, а? Все равно же закроете книгу и забудете через пять минут, как меня зовут. И сколько у вас было в книгах этих Коль-Петь-Вась-Джонов-Кевинов-Майклов?

То-то же.

Итак, поднимаюсь по лестнице, звоню в дверь...

А?

Нет, вам все-таки упорно хочется знать, как меня зовут. Вас так воспитывали. Ладно. Можете называть меня Паутиной.

Да, вот так. Паутиной. Странное имя для мужчины? Ну что же, о вкусах не спорят. Нет, это не перевод с английского, и мое имя звучит именно как паутина, а не как Веб или Спайдервеб. Очень приятно. Позвольте пожать вашу руку. Что? Да, у меня липкие руки, а что вы хотели от Паутины?

Звоню в дверь.

Нет, я не домой пришел, мне до дома сегодня не добрать-

ся, я чувствую.

Тощий парень на пороге оторопело смотрит на меня.

– Вам кого?

– Вас.

– В смысле?

– В прямом. Вам деньги нужны были... на разработки.

– Еще как нужны.

– Что же, как вы понимаете, наша организация не может давать деньги кому ни попадя. Я должен ознакомиться с вашими разработками.

– Да... пожалуйста... пожалуйста... – он хлопчет, вытаскивает измятые папки, парень, ты в каком веке вообще живешь, от руки пишешь...

– Очень хорошо, поедemте со мной, в офисе поговорим...

Парень чуть мнется, мне становится не по себе, неужели я его упустил. Нет, не упустил, тянется ко мне парень, не может уйти из тенет.

Я же Паутина.

Спускаемся по лестнице, садимся в машину... тьфу, что за напасть писать рассказ, когда не происходит ничего интересного. Угораздило меня родиться в этом городишке, а не где-нибудь на тропическом острове среди ананасных плантаций. Тогда бы было что написать, про муссоны, пассаты, тропические ливни, тайфуны, сметающие половину городка, про то, как ананасы растут, не знаю, как они растут, про... А здесь и рассказывать нечего, думаю, читатель подь-

езды видел и машины тоже, если что, у меня форд фокус третий, синего цвета.

Тело паука состоит из двух частей: головогруды, которую закрывает плотный хитин, и брюшка.

Едем. Вытряхиваю из головы воспоминания, – не к месту и не ко времени они пришли, не к месту и не ко времени. Обычно воспоминания приходят по вечерам, когда я дома, а тут, видно, долго меня дома не было, не дождалась меня домой, нахлынули сейчас.

Мысли.

В памяти я вожу карандашом по бумаге, раз, другой, третий, получается окно, раз, другой, третий, – дверь, раз, другой, третий – стена, башенки, заснеженный сад, ограда, свет из окна...

Откуда это...

Откуда...

Неважно. Вы только не говорите никому, а то меня быстренько того... туда. В дурку отправят. У нас с этим строго, одному сны какие-то непонятные снились, так он больше с нами не работает, то ли прогнали, то ли вообще... того.

Подъезжаем. А? Куда подъезжаем? Двенадцать этажей, снаружи выглядит как бизнес-центр. Нам на седьмой этаж. Стекланный лифт. Кабинет... а вам какая разница, у кабинета номер, вы все равно туда без меня не пойдете.

Потираю руки, они у меня липкие, ну что вы хотели, говорю же вам, я Паутина, вы еще не забыли?

Стучу три раза.

– Войдите!

Это мой начальник. Можете звать его Паук. А? Как парня звать, которого я к начальнику привел? Не знаю. Честно, не знаю. Хотите, сами у него спросите. Хотя ему сейчас некогда, он пожимает руку моему начальнику (не бойтесь, у него руки не липкие), раскладывает свои бумаги, вот, смотрите, электричество из воздуха, больше нефть добывать не надо...

– Очень любопытно, – говорит начальник.

Вонзает челюсти в шею парня. Не бойтесь, парню не больно, шеф мой сразу боль купирует, зачем зря человека мучить. А что вы хотели, я уже говорил, что мой начальник Паук. А я Паутина, да, мое дело жертвы ловить, я Паутина умная, умный, то есть, я сам Пауку добычу доставляю, не то что дикие паутины, которые просто схватят добычу, и все, а Паук сам добирайся...

Я не такой.

Вот и все. Был парень, и нет. Сам виноват, шуточка ли дело, выдумал, электричество из воздуха, так все нефтяные компании разорятся, а разоряться-то им нельзя.

Шеф высасывает убитого дочиста, потирает руки, из пальцев шефа вытягиваются прозрачные нити, затвердевают, темнеют, переплетаются, кости, позвоночник, руки, ноги, голова, костюм, раньше шеф нам еще галстуки делал, но гал-

стук – это сильно официально, сейчас в моде расстегнутый ворот, а галстук это так, на торжественный случай.

Вот и готова еще одна Паутина.

Готов.

Приветствую своего коллегу. Чувствую, мне его придется всему обучать, ничего, мне не впервой.

Из паутинных желез выделяется слизь, которая застывает тонкими нитями и называется паутиной.

Шеф кивает мне.

– Вижу, ты еще одного привел?

– Ага...

Шеф подходит к вам, уважаемый читатель. Даже не пытайтесь дергать ручку двери, дверь запрета. Окно? А окон у нас нет. А вы себе кабинет с окном представляли? А нам плевать, что вы там представляли, нет у нас окон. Что? Меня не интересует, виноваты вы или нет, и в чем вы виноваты, мне сказали – доставить, я доставил. А как вы хотели, мы про вас всё знаем, всё видим, всё слышим, паутина она паутина и есть, всё охватывает.

А мне не мешайте, мне еще мысли мои додумать надо, опять лезет в голову карандаш, которым вожу по бумаге, раз, два, три, луна, а в луне окно, а в окне комната, камин горит, женщина в кресле у камина кутается в плед...

Вспоминаю.

Знать бы еще, откуда я это помню. Карандашом по бумаге, карандашом по бумаге...

Девушка в маленьком кафе водит карандашом по бумаге, волосы собраны в пучок, вырисовывает шахматных слонов, везущих шахматную повозку. Смотрю на неё со стороны, будто бы издалека, на кафе, на повозку, на девушку.

– День добрый.

Кто-то подсаживается к ней, узнаю Паутину. Не меня, другую Паутину.

– Вам чего?

– Нас заинтересовали ваши работы, я так понимаю, вы ищете спонсора?

– А вы кто?

– Организация «Юные таланты». Организаторы выставок хотели бы ознакомиться с вашими работами.

– К-когда?

– Вам удобно будет поехать со мной сейчас?

Девчонка волнуется, перебирает в памяти заповеди не садиться в машину к незнакомым дяденькам и все такое. Паутина чувствует её волнение, садится на заднее сиденье подалеже от девчонки, ничего, кто в Паутину попал, тот уже не выберется.

Девчонка заходит в офис, вроде солидная контора, солидные люди, не что-нибудь...

Сознание обрывается, мнетя, закручивается узлом само

на себе, замирает... Убитая душа оживает снова, искалеченная, истерзанная, забывшая, кто она и что, просыпается в новом теле, в теле, вышедшем из-под пальцев шефа, в моем теле...

Отряхиваюсь от памяти. Вспоминаю, где я и что я, вижу шефа, вот он вонзается в ваше горло...

Спускаю крючок.

А что вы хотели, колыт у меня всегда под рукой.

Смотрю на то, что было шефом. Давлю ботинком, а как вы хотели, Паук же.

Сажусь за стол шефа. Бывшего шефа. Беру карандаш, вывожу линии по бумаге, раз, два, три, лес, листья летят, осень, вдалеке огонек светится...

Новый Паутина открывает потрепанные папки убитого парня, читает, перечитывает.

Вспоминаем.

Паутина помнит предыдущие жертвы своего хозяина, поскольку содержит в своем составе ДНК убитых жертв...

Неискажение фактов

Смотрю за ним.

Я уже вторую неделю за ним смотрю. Нет, вру, третью – с того понедельника начал.

Смотрю, как он вежливо выслушивает посетителя. Здесь все нормально, здесь он прямо-таки отлично работает, до конца дослушивает, кивает, да, да... Не то, что некоторые, сразу выполнять кинутся, а потом и окажется, что человеку совсем не то надо было.

Этот не такой. Слушает. Кивает. Говорит —

– Время ожидания пятнадцать минут.

А не то, что некоторые, ляпнут – одну минутку, какую минутку, вы вообще видели, чтобы за минутку книги выдавали?

То-то же.

Я тоже нет.

Идет к стеллажам, аккуратно так, никому не мешает, не то, что некоторые лбами сталкиваются. Стеллажи вертятся под его рукой, выбирает нужную книгу, отсюда не вижу, какую. Книга просыпается, потревоженная его пальцами, вертится кутерьма слов, абзацев, фраз...

То же самое делают тысячи библиотекарей рядом с ним. Выбирают нужную книгу, будят книгу легким пощёлкиванием пальцев.

Каждый библиотекарь открывает инструкцию, как читать книгу, которую он раскрыл. Заглядывает в инструкцию, в книгу, снова в инструкцию, снова в книгу...

Читают.

Перетасовывают слова и фразы, как сказано в инструкции, лепят новую книгу, искаженную копию старой.

Бережно относят читателю копию. Передают с легким поклоном.

Так делают все.

Все.

Кроме номера сто семнадцатого.

Он даже не заглядывает в инструкцию, он просто будит книгу и читает её.

Читает.

Книга проходит через его голову, как через линзу, сворачивается у него за спиной новая копия книги.

Копия.

Номер сто семнадцатый идет к читателю, протягивает книгу, пожалуйста, приятно было с вами работать, приходите к нам еще.

Не выдерживаю.

Включаю громкую связь.

– Номер сто семнадцать, будьте добры, пройдите в управление.

Номер сто семнадцать срывается с места, бежит... нет, не к управлению, к лестнице, бросается вниз, и опять же лов-

ко у него это получается, ни с кем не столкнется...

Срываюсь на крик:

– Задержать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.